СТАРИННЫЕ БЫЛИ И ЛЕГЕНДЫ О ПХЕНЬЯНЕ

Издательство литературы на иностранных языках
КНДР
Ю чучхе (2021)

СТАРИННЫЕ БЫЛИ И ЛЕГЕНДЫ О ПХЕНЬЯНЕ

Издательство литературы на иностранных языках
К Н Д Р
110 чучхе (2021)

ПРЕДИСЛОВИЕ

Пхеньян, столица КНДР, с седой, пятитысячелетней историей и славной культурой родил немало былей и преданий разных тем и богатого содержания. Они художественно ярко рассказывают, как защитили патриоты свой родной край от захватчиков, какой высокой нравственностью, какими прекрасными обычаями они обладали. В них говорится и о том, что Пхеньян – место возникновения корейской нации, столица ее первого государства, Древней Чосон.

Книга предлагает вниманию читателей часть передаваемых с древнего до нового времени преданий, которые переходят из уст в уста вместе с рассказом об истории Пхеньяна и славном его облике.

СОДЕРЖАНИЕ

СТАРИННЫЕ БЫЛИ ПХЕНЬЯНА 5

Богатырь Он Дар 5
Женщина с оленьими ногами и ее сыновья 12
Отхан 15
Ке Воль Хян и «храм в честь патриотки» 18
Он бьет в пхеньянский колокол 19
Он продает воды реки Тэдон 25
Поэт со слезами покидает достопримечательности Пхеньяна 29
Тэдонганский поэт 31
Пак Та Чжи защищает речную отмель Вансон 34
Надпись на доске в павильоне Рёнгван – «Прекраснейшая на свете земля» 37
Экзамены на острове Рынра 40
Народная музыкантша Лёок 42
Талант народной музыки Хо Дык Сон 44
Патриотка Пэк Сон Хэн 48

ЛЕГЕНДЫ О ПХЕНЬЯНЕ 50

Древняя история Пхеньяна 50
Тангунский дворец – ивовый 50
Дворец старшего сына неба и земли 52

Гора Хон 54
Озеро Тангун 58
Адарский родник 62
Конная могила 66
Раскаты грома на горе Адар 69
История о квартале Хынбу 72
Как крестьянин обвел вокруг пальца дворянина на гробнице короля Тонмёна 74
Змеи – стражи древних гробниц в горах Тэсон 79
Таинственные ворота Потхон 82
Будто водой снесло остров Рынра 87

Красивый Пхеньян 91
Небожитель на сопке Моран 91
Скала Пучхэ 93
Тхальыу 95
Якорь в реке Тэдон 100
Скалистый утес Чхонрю 102

Патриотический дух пхеньянцев 103
Цветник у Южных ворот Тэсонсанской крепости 103
Девушка и слива 108
Богатырь Ыльмир и беседка Ыльмир 113
Отмель Пэкын 117
Сосны у беседки Ыльмир 120
Отмель Вансон 123

Богатырь с топором..... 126
«Мышиная молельня» 132

Нравственность пхеньянцев..... 133
Урын и Соби 133
Крепостные ворота Чхильсон – «ворота в счастье»..... 141
Как рядовой солдат стал зятем короля..... 145
Мост Ынгук 149
Сопка Чуам 153
Девушка, которая спасла олененка..... 156
Благодеяние косули и змея..... 158

СТАРИННЫЕ БЫЛИ ПХЕНЬЯНА

Богатырь Он Дар

Наиболее широко известный этот рассказ о борьбе пхеньянцев с агрессорами посвящается знаменитому военачальнику Он Дару, проявившему недюжинную отвагу в сражениях против чужеземцев в период государства Когурё.

… В одной из деревень возле крепости жил парень по имени Он Дар со своей слепой матерью. Жил в голоде и в лохмотьях, но у него рост богатырский, добрая, чистая душа. Семья была так бедна, что сыну приходилось просить милостыню, чтобы кормить слепую мать.

Ходил и прохаживал по деревням в рваной одежде да босиком, что люди называли его «дурачком Он Даром», и это стало его прозвищем.

В то время у короля Когурё, Пхёнгана, были трое дочерей. А самая младшая дочь с малолетства то и дело плакала, и отец, успокаивая плаксу, порой шутил: «Твой плач у меня уши дерет. Подрастешь – и не будешь женой степенного человека. Отдам тебя за дурака Он Дара».

Шли годы. 16-летнюю принцессу король хотел было выдать за молодого человека родом из вельможи. А принцесса обратилась к отцу:

– Ты, папенька, постоянно говорил мне, что хочешь выдать меня непременно замуж за Он Дара. А почему сегодня нарушаешь слово того дня? И простолюдин не врет, а как же королю сказать иное? Слово твое, по-моему, неверное, и я не могу выполнять твое указание.

Вначале король думал, что дочка шутит, и, улыбаясь, хотел пропустить услышанное мимо ушей. Но когда узнал, что это она сказала всерьез, рассердился и упрек:

– Ты не послушаешься меня – не станешь моей дочерью. Не сможешь быть рядом со мной. С сегодняшнего дня ты не моя дочь. Прочь с моих глаз, со дворца!

Слово отца – закон. Да и у принцессы была своя незыблемая решимость. И она покинула дворец, взяв с собой несколько золотых, серебряных колец и браслетов, которыми она постоянно пользовалась.

Раньше она, кисейная барышня, была только во дворце и совсем не знала о мирских делах. И ей приходилось долго блуждать. Не раз расспрашивая прохожих, наконец, ей удалось добраться до хижины Он Дара в уединенном горном ущелье. В домике была лишь слепая мать.

Принцесса подходит к ней и, сделав глубокий поклон, рассказывает обо всем. Мать, совсем удивленная неожиданностью, поспешно отмахивается:

– Знаю, передо мною – барышня благородная. Пахнет тонким благоуханием, чувствуется теплота человеческой привязанности. Вы, несомненно, редчайшая на свете благо-

родная девица. Вы, наверное, слышали чью-то чепуху и, думаю, ошиблись, барышня. Сын мой, смертельно голодный, пошел вон туда на гору обдирать сосновую кору, чтоб питаться ей. Такой нищий, презренный простолюдин, Вам не чета. Прошу Вас возвратиться обратно. Очень прошу!

Принцесса, тепло взяв ей за огрубевшие руки, говорит:

– Я его буду ждать.

Но Он Дар не вернулся. Она направляется в сторону горы, куда пошел парень за сосновой коркой. Долго идет по ущелью – и видит: между деревьев с ободранной коркой еле-еле передвигает ноги какой-то мужчина, спускаясь по склону горы. У него – *чиге* (приспособление для переноски груза на спине). Лохматые волосы, порванная изношенная рубашка, босые ноги в крови, пролитой при столкновении о камень, огрубевшие, как грабли, руки – судя по всему, он не кто иной, как тот Он Дар.

Принцесса подбегает к нему, делает поклон и рассказывает обо всем. Он потерял голову: вдруг, откуда ни возьмись, перед ним – красавица, опрятная девушка. Он, рассерженный, осыпает руганью:

– Черт занес тебя, женщину, сюда. Ты, вижу, не человек, а лисий дух! Не подходи ко мне!

Так сказав, парень поспешно спустился с горы, даже не оглядываясь назад.

Принцесса в грусти и душевной пустоте в одиночку спустилась с горы, провела напролет всю ночь за дверью

дома Он Дара.

В следующий день утром она входит в его дом и от души изливает всю свою душу:

– Он Дар, дорогой мой! У меня не на кого опираться на свете в жизни. Я буду больше дорожить твоей матерью, искренне обожать тебя. Прошу тебя жить-поживать со мною.

Однако Он Дар не мог решиться. Вникнув в душу парня и понурив голову, она говорит тихим голосом:

– Издревле мудрецы изрекали: «И одну мерку колосовых хлебов можно вместе молоть, вместе питаться; и один вершок заплаты холста можно вместе наложить на изношенную одежду, чтобы вместе одеваться». Сердце сердцу весть подает – мы, думается, будем жить душа в душу. Тут ни при чем сословное различие.

Ее сердечная искренность открыла дверь в сердца Он Дара и его матери.

Со следующего дня принцесса стала жить под одной кровлей с Он Даром. Днем прилежно трудилась, искренне ухаживала за слепой матерью, вечером помогала ему учиться грамоте, помогала в изучении военных трактатов, в овладении воинским искусством при помощи замечательного наставника, и он стал знатным воином.

Принцесса рада видеть, как у него растет уровень воинского искусства изо дня в день. Она решила дать ему хорошего коня. Она купила Он Дару коня, продав золотой браслет, который взяла с собой при уходе из дворца.

В государстве Когурё были обычаи: каждый год 3 марта на равнине Ракран проходят соревнования по охоте, на которых лучшему победителю вручается титул военачальника. На охоте был сам король, за ним следовали свита и представители воинов пяти округов страны. Он Дар, занимаясь земледелием, совершенствовал навыки верховой езды, стрельбы из лука и обращения с мечом. По совету принцессы он на своем коне пошел на поле состязания по охоте. Претендентами на приз были прославленные в стране богатыри и лихие молодые храбрецы из поселков. Быть победителем в них – дело не из легких. Однако никто из них не мог превзойти по мастерству Он Дара – несравненно ловкого, сильного, мужественного мастера воинского искусства. Он больше охотился на зверей. Королю Он Дар преподнес добычу – медведя, косулю и оленя. Государь, очень обрадованный, спрашивает, как зовут его. Охотник с молодецким задором, расправляя широкие плечи, отвечает:

– Позвольте сказать, я Он Дар, живу в деревне за Пхеньянской крепостью.

Король сделал большие глаза.

– Что?! Ты тот «Он Дар-дурачок»?

– Да-с. – без запинки говорит он.

Король, выслушав все пройденное, что и как у него, ни слова не вымолвил. Он, молчаливо поглядевший в даль неба, через долгое время провозглашает:

– Сегодня ты победил на охоте.

Зрители бьют в барабаны и тарелки, шлют поздравления молодому призеру.

После чего прилетела неожиданная весть: на землю Когурё вторглись огромные орды агрессивных войск. В том бою Он Дар, начальник авангарда, сам один отсек головы десятков вражеских солдат, что привело противника в панику и трепет. Войска Когурё под его командованием лавиной ринулись на вражеские позиции и уничтожили всех захватчиков до последнего. После изгнания чужеземных агрессоров была оценка боевых подвигов войск. Все рассказывали: самый большой подвиг совершил богатырь Он Дар. Король щедро наградил его, по ритуальному обряду взял его в зятья, подарил ему высокий воинский чин – *тэхён*.

С той поры он, любимец короля, стал пользоваться его большим доверием. Изо дня в день росли его престиж и влияние власти. Однажды он обратился к королю:

– Теперь государство Силла отняло часть территории нашего Когурё и превратило ее в свой уезд. И местные люди досадуют и горюют. Позвольте сказать, если Вы, Ваше Величество, дадите мне войско, то я с одного маха верну себе нашу землю. Надеюсь, что Вы не упрекаете меня за глупость и несообразительность.

Король, высоко оценив его патриотические поступки, дал в его распоряжение огромное воинство.

На поле битвы он командовал боями, сам, став верховым, разил могучей рукой неисчислимое множество солдат Силла.

Пядь за пядью земли он отнял у врага. К концу битвы он, неожиданно получив смертельную рану, упал на землю. Глядя на него, погибающего смертью храбрых на поле боя, делали глубокий поклон все когурёские воины.

По традиционным обычаям проходил похоронный обряд. Нужно было вынести на могилу гроб с телом покойного. Но то ли с горя от утраты знаменитого военачальника гроб совсем не двинулся. Даже и тогда, когда более десяти мужчин изо всех сил постарались поднять гроб. Об этом сказали они принцессе, теперь жене Он Дара.

Она, встреченная печальной вестью о смерти мужа, бегом пришла на поле боя. Ушел из жизни дорогой человек, которого столь берегла, любила она. Охваченная горем и скорбью, бесконечно проливала слезы. Она, поглаживая по гробу, с рыданиями говорит: «Кончилась твоя жизнь! Пусть покоится здесь твой прах, дорогой мой!» Лишь тогда люди могли оторвать гроб от земли и вынесли его.

Вся страна, потерявшая замечательного военачальника родом из простолюдина, погрузилась в глубокую скорбь. С неба лил дождь, будто чтя его память. Больше всего горевали жители Пхеньянской крепости, которые хорошо знали все о нем с детских лет. Этот рассказ из поколения в поколение, из уст в уста, передается пхеньянцами.

Женщина с оленьими ногами и ее сыновья

Давным-давно в Пхеньяне жила-была женщина с необыкновенными ногами – они походили на оленьи. И ее называли Рокчжок. В переводе – «с оленьими ногами». У двух сыновей ноги тоже были, как у матери, и ребята одного поселка насмешничали над ними. И мать говорила сыновьям: «Не выходи играть с ребятишками. Во дворе играй в войну». Однако им целый день вертеться во дворе нельзя, и иногда выходили играть на улицу.

Однажды мальчуган помещика насмеивался над ними с оленьими ногами. Они били его за оскорбление. А тут избитый умер.

Рокжчок, понимая, что их сыновей ждет наказание, решила спрятать их подальше от дома и ночью вышла с ними на море. Она нашла лодку, усадила в нее детей, тронулась в путь, куда глаза гладят. Тут она вспомнила, что в спешке забыла взять продукты на дорогу. Ей пришлось пойти обратно в деревню, и она, привязав лодку к маленькой пристани, сказала сыновьям дождаться ее в лодке. Взяв с собой продукты, поспешно вышла на пристань. Но не было видно лодки и двух сыновей. Сильный ветер унес лодку куда-то в даль.

Оставшись одинокой, Рокчжок ушла в горы Тэсон и жила там одна, подкармливала диких оленей, считая это счастьем для нее.

Шли годы, седина серебрила ее виски. Однажды на Когурё напали иноземные захватчики. Задание отбить их нашествие поручило полководцу Ыльчжи Мун Доку. Она обратилась к нему: «Иноземные захватчики нападают. Я, хотя женщина, не могу сидеть сложа руки. Помогу войскам, как смогу».

Чтобы провести операцию по уничтожению захватчиков, Ыльчжи Мун Док сам один пошел на разведку во вражеский стан, чтобы узнать о положении у противника. Рокчжок, беспокоясь о его безопасности, потихоньку следовала за идущим. Когда он добрался до лагеря противника, главарь вражеских войск хотел захватить его. При нашествии они уже получили тайный приказ своего короля: «Увидишь Ыльчжи Мун Дока, знаменитого полководца Когурё, захвати его!»

Но на встрече с ним командующий вражескими войсками, подавленный его спокойным, внушительным видом, широкой душой и стройной логикой, не смел поднять руку на него. И не помешал ему возвратиться к своим. Однако главарь противника, позже осознав свою ошибку, послал свои огромные войска с заданием преследовать его.

Создалась критическая ситуация. Преследуемый спасен Рокчжок, которая ждала его на берегу с лодкой.

В то время в стане противника были два прославленных

военачальника. Это они братья с оленьими ногами. Этим очень удивленная, Рокчжок, переодевшись в старуху, пошла в лагерь врага и встретилась с двумя братьями. Она безмолвно сняла с ног носки и сказала им разуться. Видит – у них такие же оленьи ноги, как у нее.

Лишь тогда два храбреца узнали родную мать, и состоялась волнующая встреча. Мать, рассказывая обо всем, что было после разлуки с ними, сурово наказывает:

– Вы все дети мои. Значит, вы сыновья государства Когурё. А я вижу перед собой иных – непочтительных к родителям, неблагодарных! Предателей! Как же направить копье к родной матери?! Как же поднять меч на соотечественников?!

После возвращения матери домой двое сыновей терзались стыдом и позором, что не додумались до мысли о своей родной матери, о своей родной стране. И на рассвете перешли в лагерь когурёсцев, где родная мать. Ведь они чуть было не изменили родине. На встрече с матерью сыновья просили прощения за грехи, обратились к Ыльчжи Мун Доку с просьбой дать им искупить свою вину на поле боя.

Впоследствии сыновья, военачальники Рокчжок, внесли большой вклад в изгнание иноземных захватчиков за пределы Когурё, в завоевание победы.

Отхан

Огромное течение реки Тэдон, протекающей через остров Рынра по одному руслу, разделяется на две части островом Янгак. Речная мель у берега нынешнего Пхеньянского Большого театра называется Отхан (*О* – ворона, *тхан* – мель). Смысл названия – воронья мель.

Так называться стал этот участок с периода Имчжинской отечественной войны, когда японские самураи напали на Пхеньянскую крепость.

Япошки сумели добраться до берега реки Тэдон, откуда виднеется Пхеньянская крепость, но не могли переправиться через реку, ибо пхеньянцы спрятали все суда, чтобы не дать врагам дорогу к нападению. Им приходилось ходить туда-сюда, чтобы искать мель, по которой могли бы переправиться через реку. Куда ни кинь – везде глубокая вода, что выше лошадиной спины да человеческого роста. Ищи и разыскивай – не видно мели. Выбившийся из сил главарь самураев опустился на береговую насыпь и рассеянными глазами глядел на синие волны реки.

Тут произошла неожиданность. На закате солнца, когда заалели вечерние зорьки, – вдруг, откуда ни возьмись, на небе кружились вороньи стаи и опустились на середину реки наверху острова Янгак.

Долгое время самурайский глава безразлично наблюдал

за воронами. И тут же вдруг вскочил с места и, потирая глазенки, внимательно следил за черными стаями. Он бил себе по колену, в радостях крикнул:

– Вот это да! Нашлась переправа!

Он, по-видимому, думал: «Вишь, шагают на воде не дикие утки, не дикие гуси, а вороны. Это, несомненно, мелководье, где обнажено дно реки!»

Он был так рад, что хотелось сейчас же направить своих солдат на эту мель, но не мог: с крепостной стены на противоположном берегу реки корейские воины зорко наблюдают за ними. Тот ждал, пока не темнело. Когда опустилась тьма, направил нескольких солдат, чтобы те тайком переправились через реку. Доложили ему, что глубина воды не выше колен. «Умный» самурай, пытаясь внезапно взять Пхеньянскую крепость, погнал своих вояк на отмель в полную ночь, когда, по его рассуждению, крепко спят корейские воины. Он ждал с думой: «Скоро на том берегу с крепостной стеной прозвучат восторженные возгласы наших».

И, наконец, со стороны крепостной стены раздаются громкие возгласы, потрясающие небо и землю, вспыхивают пучки блеска.

А что это такое?! Стрелы огней направляются не на крепость, а наоборот, падают на середину реки. Воины Пхеньянской крепости обрушивают огненный шквал на голову противника, переправляющегося через реку. Самураи барахтаются в воде и обращаются в бегство. Командующий

вражескими войсками во все горло орет: «Ни шагу назад! Переходить!», и гоняет даже тех, которые остались в лагере.

Пушки пхеньянских воинов открыли смертельный огонь по самураям, которые набрасываются волна за волной. Орудийный гул утих, когда забрезжило. До того самурайский главарь лелеял себя думой: «Так, теперь мои храбрецы переправились через реку, взяли Пхеньянскую крепость». Рассветная заря обнажила стоящую крепостную стену и середину реки. Увидев все, что перед глазами, он оторопел, потерял голову. Видит – гордо высится крепостная стена, как вчера, там не видно ни души, и тихо, вот на середине реки «плавают» трупы япошек. «Боже мой! Что это за диво! Куда ушла та мель, по которой шагали вороны-то?..» – совершенная неожиданность обезумила самурайского главу, который устремил рассеянный взгляд на середину реки. Да и то сказать, тот «умный» япошек не знал ни аза – не понял, что река Тэдон под влиянием прилива и отлива.

Вороны садились на речное дно во время отлива, а япошки нападали через реку на Пхеньянскую крепость в час прилива. Под напором контрудара пхеньянцев япошки в реке полностью уничтожены – то оказались под огнем, то утонули. Вражеский главарь, потеряв больше половины своих вооруженных сил, насмерть перепуганный волшебной силой реки Тэдон, не смел снова переправиться через реку. С той поры этот участок реки начал называться Отхан

за то, что вороны обманули самураев и отправили их на тот свет.

Ке Воль Хян и «храм в честь патриотки»

Это было во время Имчжинской отечественной войны, когда японские самураи временно захватили Пхеньянскую крепость.

В то время в Пхеньяне жила женщина по имени Ке Воль Хян. Она была *кисэн* (женщина в старой Корее, прислуживавшая мужчинам на пирах и развлекавшая их пением и танцами). Однажды она и человек по имени Ко Дар Бу посоветовались, как расправиться с самым жесточайшим, самым злейшим из командиров самурайских войск, чтобы сломать боевой дух противника и помочь бойцам Армии справедливости в контрнаступлении. Чтобы осуществить задуманный план, Ке Воль Хян ходила, погуливала под ивой у павильона Рёнгван, где часто появляется главарь вражеской армии, и ожидала подходящего шанса.

Как раз этот деспот, проходя, видит ее. Вместе с ним женщина входит в лагерь противника и разведает его тайну. Она, используя шанс пиршества врагов на павильоне ЫльмИр, запускает бумажный змей с прикрепленной к нему записочкой о состоянии противника, чтобы известить об этом корейского военачальника Ким ЫН Со, находящегося за крепостью. Через несколько дней она помогает ему войти в крепость и убить того самурайского командира.

Когда они намеревались выйти из крепости с отсеченной головой начальника противника, уже забрезжило. Вражеская охрана не дала двоим вместе выйти из вражеского логовища. Ке Воль Хян просит его: «Иди за крепость, а я потом». Она заманивает на другое место вражеских преследователей. Она, к несчастью арестованная врагами, до конца сохранила свою патриотическую верность и погибла смертью храбрых.

Ким ЫН Со удалось благополучно выйти из захваченной врагами крепости. Затем он вместе с бойцами-ополченцами атаковал противника, потерявшего своего командира, и освободил Пхеньянскую крепость от оккупантов.

Пхеньянцы не забыли о большом подвиге Ке Воль Хян в изгнании самураев с родной земли. Они, построив «храм в честь патриотки», передавали из уст в уста рассказ о патриотической верности женщины, без малейшего колебания отдавшей жизнь во имя родной страны.

Он бьет в пхеньянский колокол

Рассказ о Ким Сон Даре (псевдоним – Понъи) широко известен корейцам.

В каком-то году он в Хансоне внезапно, конечно, не в нужное время ударил в большой колокол. И весь город, королевский дворец кипел, как в котле. За эту «погрешность»

его притащили к королю. Счастливый случай спас его с когтей смерти, и он вернулся в Пхеньянскую крепость. Это было потрясающим событием. Пхеньянцы все обрадовались этому. Однако *янбанов* не покидала тревожная мысль: когда снова загонит их в заколдованный круг тот хитрый, кто, даже нарушив строгий закон, вышел сухим из воды. Собираются они, судят да рядят о том, каким образом загнать его в безвыходное положение.

Однажды они на пирушке в тени под ивой у крепостных ворот Тэдон много говорили, каким образом оставить его в дураках. Как раз в то время возле них проходит Сон Дар. Они останавливают его:

– Эй, ты, говорят, в запрещенное время ударил в большой колокол в Хансоне, но остался безопасен. Это верно? А на этот раз не хочешь в такое же время ударить в пхеньянский колокол? – обращается к нему один из них, указывая пальцем на висящий колокол в колокольне, который охраняет звонарь.

– Если этого хотите вы, почтенные люди, как же мне отказаться? Но есть условие – щедрая оплата.

– Оплата, говоришь? Чем?

– У меня судьба-индейка, господа. Собрать деньги и добро не суждено. Просто дай пять кувшинов с горькой, чтобы я чистил горло от грязи.

– Пять кувшинов с водкой? Это пустяки, дам. Ну а, скажи, когда ударишь в колокол?

– Подумаю. Точно когда сказать трудно. Ну что ж, постараюсь выкроить время.

– Ну, ладно, как хочешь. Мы всегда здесь, ждем тебя.

Так обещав, он во хмелю ушел. Немного погодя дворяне, бья себе по колену, хихикали:

– Вот это да! Теперь он никуда не уйдет. Взят в наши руки.

– Как был он ни умен, ни взад ни вперед, не выкинет с себя нашу петлю.

– Ничего не скажешь. Король не знал его, обманут и выпустил его на волю как отца Им Гён Чхора. А нашего пхеньянского губернатора не обмануть!

– Значит, наша идея безупречна, комар носа не подточит!

Они, самодовольные, допоздна выпивали горилку, поздравляя друг друга за ими выдуманное.

Со следующего дня дворяне выходили на колокольню и с нетерпением ждали, когда придет Ким Сон Дар и сдержит данное им слово. Прошли месяц-два, но о нем ни духу ни слуху.

Между тем мудрый Ким сразу отправился в Чунхва. Он знал, что звонят в пхеньянский колокол при оповещении об открытии и закрытии утром и вечером крепостных ворот, при возникновении в стране какого-то большого события и по специальному приказу короля. В Чунхва Ким ждал королевского курьера, приезжающего в провинцию Пхёнъан. Идет третий месяц, наконец, появился королевский послан-

ник, который едет к пхёнъанскому провинциальному губернатору с заданием передать распоряжения короля. Ким узнает у одного чиновника, сопровождающего королевского посланника, о дате и времени въезда в Пхеньянскую крепость, а затем раньше их спешно вернулся в Пхеньян. Он сошел с лодки у ворот Тэдон и собирается входить в крепость. *Янбаны*, не забыв обещание, терпеливо ждали его.

– Эй, Сон Дар, откуда ты?

– Здравствуйте! Рад видеть вас. Знаете, мой друг заболел, и я был у него. Состояние больного ухудшалось, и мне приходилось так долго ухаживать за больным.

– Н-да, за это время забыл обещание, что ли?

– Обещание какое?

– Видимо, ты забыл? Ты же обещал нам ударить в пхеньянский колокол. Забыл?

– Нет, помнится. Я господин своего слова. Кстати, на моей памяти, вы, господа, обещали оплатить мой труд пятью кувшинами с горькой.

– Да, это обещали. Теперь, вижу, все у тебя свежо в памяти. Ну, скажи, когда ударишь в колокол?

– Скоро, хотите, завтра.

– Ну, давай так.

– Во сколько часов хотите? Давайте так: ударить в три часа после обеда. Устраивает?

Именно в тот час войдет в Пхеньянскую крепость королевский курьер. Так обещали дворяне время и принесли ему

кувшины с водкой. Мудрец Ким вернулся домой с водкой. Пригласил к себе стариков поселка и друзей, которые за неимением денег не могли пить. Все пропили вдоволь всю ночь.

Настал новый день. Хитрый Ким, делая вид, что поневоле согласился, вместе с ними пошел к крепостным воротам Тэдон. Он одним глазом обшаривает восточный холмик за рекой. И вот она – процессия с королевским посланником! Он, поднимаясь на ступени к колокольне, спешно кричит:

– Ударь в колокол! В колокол ударь!

Гулкий звон пхеньянского колокола нарушает тишину в крепости. В то время служители губернского ведомства, находившиеся в ожидании невдалеке, захватили Кима – мол, он самовольно кричал: «Бить в колокол», и повели арестованного в канцелярию губернатора. Накануне *янбаны* известили пхеньянского губернатора о том, что Ким Сон Дар намеревается ударить в пхеньянский колокол, как в Хансоне, где он, этот обманщик, обвел вокруг пальца короля. Губернатор решил, пользуясь случаем, наказать этого нахала, нарушителя правопорядка, и заранее велел своим подчиненным выжидать и быть начеку.

Янбаны злорадствовали – мол, вот видишь, эта головоломка теперь под стражей в губернской канцелярии. Они хихикали: «Говорят, что у него, Ким Сон Дара, выросли крылья, но лететь некуда!», «Попал в нашу ловушку, не выйдет!»

Губернатор, увидев арестованного, сердито орет:

– Стервец какой! Почему ты заставил звонить в колокол, и то не в установленное время? Почему ты, негодяй, нарушил правопорядок и создал суматоху в крепости-городке?

– Время не определенное? Я кричал «Бей в колокол!», потому что приедет королевский посланник.

– Королевский курьер, говоришь? Чепуха какая! Не ври. За пять кувшинов с горилкой ты пошел на пари. Чтобы ударить в колокол. Я все знаю. Хотя я отсиживаюсь в четырех стенах канцелярии, но все слышу, вижу все, что творится на свете. Ты выпущен из рук короля, Его Величества, но из моих – ни ни! Четвертования не избежишь!

– Чьи глаза верные, чьи уши острые – у вас или у простолюдина, надо уточнить. Тогда будет четвертование.

– Что ты мелешь, а?

В ту минуту к губернатору спешно прибегает, задыхаясь, сановник и, пав ниц, тараторит:

– Беда у нас! Беда большая! Сейчас… входит в ворота Тэдон королевский посланник. Почему, кричит он, не встречает гостя губернатор? Беда какая!

– Что? Королевский посланник приедет?

Уже доносятся голоса охранников королевской свиты: «Дорогу! Эй, дорогу!»

Губернатор, совсем растерянный, просто не находил себе места.

– Боже мой, что это за беда! – бормочет он подавленным голосом.

Чиновники губернского ведомства оторопели от неожиданности и зашумели. Умный Ким спокойно встает с места и как бы поучительным тоном говорит губернатору:

– Сумбурщина эта произошла, по-моему, оттого, что глаза и уши у вас, почтеннейшего губернатора, хуже у простолюдина, – и он спокойно покинул губернское ведомство.

Он продает воды реки Тэдон

Давным-давно на равнине провинции Пхёнъан жил-был толстосум. Однажды богач, положив на спину осла большой мешок медных монет, приехал в Пхеньянскую крепость. Раньше в деревнях он разжился чужим трудом, по две шкуры с крестьян содрал. А желание еще больше обогащаться побудило его ступить на пхеньянскую землю в поисках торговых каналов.

С первого дня после прибытия в городок он везде совал свой нос, чтобы найти дело наживное: трати меньше – получай в несколько раз больше.

Все пхеньянцы бросили косой взгляд на деревенского богатея. Ким Сон Дару стало известно, что жители городка-крепости смотрят на него недобрыми глазами.

Однажды он пошел на базар. Там он взял взаймы мешок монет и, посещая каждый дом возле крепостных ворот Тэдон и подавая хозяину по одной монете, просит:

– Возьмите, пожалуйста, эту монету. А завтра утром,

когда пойдете на берег реки Тэдон за водой, дайте мне монету обратно.

Все жильцы сразу согласились, ибо они поняли, что остроумный Ким в очередной раз хочет загнать в тупик какого-то алчного, падкого на деньжата.

Утро следующего дня.

Богач из деревни рано утром выходит на берег реки Тэдон погулять. Он, любуясь утренним пейзажем реки Тэдон и восходом солнца над ней, шагает перед воротами Тэдон и видит Ким Сон Дара, который сидит перед развязанным мешком с медными монетами. У сельского богача полезли глаза на лоб.

Видит – много людей выходят из городка-крепости за водой реки Тэдон, каждый из них, возвращаясь обратно, у ворот Тэдон бросает монету в мошок Сон Дара. Видит – за один присест тот загреб деньги лопатой, и сразу мешок стал пузатым.

Богач, падкий на деньги, видя все это, не на шутку диву давался. У него мелькнула мысль: «Вот это наживное дело. Будут шальные деньги! Золотой дождь! Вода реки Тэдон сама собой течет во все времена года. Людям городка ни на минуту не жить без воды. Ни гроша не потрачу – получу кучи монет. Река денег будет течь, как река Тэдон! Наживу барыши».

Богач разинул рот, из двух уголков которого текли две струйки слюны.

Долго глядя на большущий мешок монет у «продавца» воды, деревенский богач потихоньку подходит к нему и говорит:

– Слушай, братец, не хочешь продавать мне эту реку Тэдон?

«Продавец», выжидавший этот шанс, вначале наотрез отказался:

– Вижу, ты пришелец. Вздор говоришь! Знаешь, река Тэдон – бесценное сокровище нашего рода. Передается из поколения в поколение. От выручаемых денег зависит судьба больше ста членов семьи и родственников. Ничего подобного!

Богачу больше не терпится, и он пристает к нему с просьбой.

– Сделай милость, дружок, заплачу щедро, как назовешь. Продай, пожалуйста. Я дам тебе все деньги, что взял с собой в Пхеньян!

Торг протягивался полдень. Наконец, Ким Сон Дар, как бы не отказываясь в просьбе партнера, говорит:

– Ну, ничего не поделаешь! Дай мне мешок с монетами целиком и бери воду реки Тэдон.

Тот богач, отдав ему большой мешок денег, привезенный на ослиной спине, купил реку Тэдон. У купца радости не было предела, настроение такое превосходное, что даже хотелось бы взлететь в небо. «Удачник» в радостях сам в одиночку пустился в пляски.

Тот провел всю ночь напролет – не давала ему спать

радостная мысль «Буду я нуворишем!» На следующий день, ни свет ни заря, вышел на улицу, взяв с собой не мешок, а большой сундук, и важно сидел у ворот Тэдон.

А что это такое?! Люди, как вчера, толпами проходили через ворота Тэдон, входили в крепость с водой из реки Тэдон. Но никто из них не бросил монету в сундук богача. Его взяли думы: «Может, они пока не знают, что я покупал реку Тэдон, и так просто проходят», и он кричит:

– Слушайте, люди добрые! Бросайте монету в этот сундук!

Но никто глазом не моргнул, все проходят молчаливо. Объятый обидой и злобой, он, цепляясь за подол одежды проходящих, преграждает им путь и громко кричит:

– Слушайте, граждане! Знаете, теперь я хозяин реки Тэдон. А вы даром берете воду. Виданное ли это дело?!

«Захваченные» им люди недоумевающим взглядом смотрят на чудака и с иронией спрашивают:

– Какой хозяин, говоришь?

– Еще не знаешь, что я вчера купил эту реку Тэдон. Теперь плати за воду и иди.

– Кого я вижу! Не валяй дураком! Хозяин этой реки – мы, жители крепости. Когда ты купил у нас воды реки Тэдон? Что за плата за воду?! Мы исстари поколениями пьем этой воды. А ты что?

Топча ногами, деревенский богач орет:

– Ты смеешь поиграть мною? Ну, скажи, вчера ты заплатил за воду, а? Бросил монету в мешок, это не плата за воду?!

Лишь тогда люди поняли, что остроумный Ким дал по рукам богачу, и покатились со смеху.

Тот, поняв, что кругом обвел его пальца пхеньянец Ким Сон Дар, терял голову. Он плюхнулся, но не наземь, а угол большого сундука, повалился навзничь в нем, барахтался двумя ногами в воздухе.

Итак, пхёнъанский провинциальный богач, лелеявший мечту стать еще большим богатеем, попал в переплет. Изгнанный из крепости остроумным Кимом и другими пхеньянцами, он не смел снова явиться здесь.

Поэт со слезами покидает достопримечательности Пхеньяна

Ким Хван Вон (1045 – 1117) слыл талантливым поэтом периода государства Корё. При осмотре достопримечательностей Кореи он сочинял немало стихотворений о красоте природного пейзажа.

В каком-то году летом он на сопке Моран поднялся на беседку Пубёк, с которой ясно виднеется живописная панорама Пхеньяна. Поэт видит – омывают прозрачные воды синей реки Тэдон утес Чхонрю и Пхеньянскую крепость, в млечном тумане безбрежно простирается равнина Тондэвон. Он, весь очарованный чудесным пейзажем, долго стоит, как вкопанный. «Какая красота! Виданное ли это дело?!» – не скрывает он восхищения.

Молва о приезде прославленного стихотворца облетела весь Пхеньян. И многие чиновники и ученые гурьбой пришли на беседку увидеться с звездой поэзии. Все собравшиеся просили поэта подарить им знаменитые стихи о неповторимой красоте Пхеньяна. Бегло взглянув на доски со строчками, висящие то там то тут на столбах и потолке беседки, кривит лицо и цыкает на писак. Да и то сказать: не было живого яркого изображения пейзажа Пхеньяна. И он говорит собравшимся: «Уберите этакую грязную писанину. Я сам напишу для вас стихотворение о прекрасном пейзаже Пхеньяна».

И, опираясь одной рукой на столб беседки, долго стоя, он в мыслях подбирает строки поэзии. Просив принести кисть, он, окруженный плотно стоящими людьми с любопытными глазами, начал водить кистью на полотне шелка.

У длинных крепостных стен – волны плавные,
На востоке полей широких – вершины горные.

Так с одного маху написав, поэт больше не движет кистью. Держа в руке кисть, он долго смотрит с беседки вниз и собирается снова писать на шелке, но все-таки кисть не движется, как затвердевшая. Любуется он с беседки Пубёк чистой лазурью реки Тэдон – ему чудится, что стоит на беседке «дворца морского царя», вдруг поднявшейся на поверхность моря. Глядит в даль на равнину Тондэвон в туманной мгле – чувствует себя стоящим у периллы «небесного дворца» над облаками. Чем дольше смотрит, тем больше ощущает новые и новые гаммы пейзажа. Он не в силах перенести их на несколькие строки или строфы стихов.

Время торопит, но он, написав всего-навсего две строчки, затрудняется дальше писать. С его лба падают капли пота одна за другой на полотно шелка, и собравшиеся любители поэзии, разочарованные, без лишней суеты уходят с места. Солнце клонится к западу, спускаются сумерки. На беседке он сидит одинокий и, наконец, поломав свою кисть, бьет кулаком по полу беседки и рыдает, давая волю слезам. Сетует он на свою бездарность: «Горькая судьба моя! Мне не хватает дарования, чтобы описать прекрасный пейзаж Пхеньяна!»

До поздней ночи он рыдал и, наконец, покинул это место. Впоследствии пхеньянцы повесили эти незаконченные стихи с двумя строчками на столб беседки Пубёк, а затем на колонну павильона Рёнгван. Так делать побудила их не только сама яркая выразительность этих незавершенных стихов, но и их желание вечно гордиться красотой Пхеньяна, которую даже и знаменитый поэт не смог воспевать из-за бедности запаса поэтической речи.

Тэдонганский поэт

Чон Чи Сан (? – 1135) родился в Пхеньяне. С малолет-

ства его отличал поэтический дар. Как-то раз мать пошла на реку стирать белье, неся на спине своего трехгодичного сынка. Тут мальчонка, увидев летающих над рекой Тэдон чаек, сочинил стихотворение.

Белые чайки вольно летают,
Поют с поднятыми к небу головками,
Белые перья в волны погружают,
Топают по воде чистой красными ножками.

Он рос с взлетом блестящего поэтического таланта, его имя стало широко известным миру. Это вызвало у амбициозного Ким Бу Сика (1075 – 1151), хвастливо считавшего себя в то время выдающимся венцом литературы, затаенную ревность к звезде поэзии. Завистливость у него усилилась после того, как оба на прогулке в буддийском храме на пари сочиняли стихи. Поэт декламировал двустишие.

В храме молитву Будде кончу,
И небо ясное, как стекло, вижу

Ким Бу Сик, восхищенный стихами, попросил автора подарить ему это произведение. Но поэт качал головой. В голове Ким Бу Сика вихрился даже злой умысел – физически расправиться с поэтом, превосходящим его по врожденному таланту. Позже в Пхеньяне вспыхнул т. н. Мёчхонский дворянский мятеж за

власть (мятеж, поднятый Мё Чхоном и другими дворянами Согёна). Как предполагалось, умышленник велел казнить поэта, обвинив его, мол, в тайной связи с Мё Чхоном. После ликвидации своего соперника Ким Бу Сик самоуверенно думал: «Теперь на этом свете больше не найдется такого поэта, который посмел бы превзойти меня». Однажды он, сочинив двустишие, не без гордости считал эту топорную работу непревзойденной.

Тысяча ивовых ветвей все зеленеют,
Десять тысяч цветов персика алеют.

В ту ночь борзописец самодовольно декламировал эти стишонки и погрузился в сон. Он во сне видит как наяву покойного поэта, который, давая ему пощечину, осыпает его упреками: «Скажи, ты считал ли тысячу ветвей, десять тысяч цветов, а? Этакие стишонки ты написал?» Обругавшись жестоко, чтобы тот не посмел поднять голову, поэт берет в руку кисть и перефразирует.

Тонкие нитки ив веток зеленеют,
Персика цветы, цветочки багровеют.

Ким Бу Сик, посмотрев новинку, с покрасневшим лицом, не мог вымолвить ни словечка. Понаслышке он, убийца превосходящего его талантливого поэта, весь охваченный тревогой и страхом, умер не своей смертью в уборной.

Пак Та Чжи защищает речную отмель Вансон

Пак Ока прозвали Пак Та Чжи («та» в переводе – много, «чжи» – ум). Он был один из десяти военачальников Пхеньяна, защитников Пхеньянской крепости в годы Имчжинской отечественной войны. Его имя стало более широко известно огромными ратными подвигами, совершенными находчивостью.

Пример тому – бой за оборону отмели Вансон на реке Тэдон. Это было в июне 1592 г. В заречье вторглись японские самураи. Чтобы остановить их наскоки, войска и ополченцы Пхеньянской крепости решили оборонять в первую очередь перекаты реки, по которым противник мог бы переправиться. И десяти пхеньянским богатырям было поручено оборонять Вансон из многих мелководных отмелей. Поскольку пока еще не была проведена полная подготовка к бою с противником, поручили Пак Та Чжи вместе с ополченческим отрядом занять боевую позицию возле отмели. Ко Чхун Мён, Ким Ча Тхэк, Хён Су Бэк и другие военачальники, взяв в крепости стрелы из лука, копья и сабли, стали следовать за Паком. Что же это такое! Они видят: заранее прибывший Пак занимает позицию не перед отмелью, а внизу, у глубоководной реки – ставит знамена, строит брустверы.

– Слушай, Пак! Что здесь делают твои братцы?

– Ну и что? Думаешь, я ошибся?

– Нечего говорить! Нам обороняться не здесь, а наверху, на Вансоне!

– А что, ты думаешь, я, пхеньянец, не знаю, где отмель Вансон?

– А зачем здесь занять позицию?

– Чтоб оборонять Вансон.

– Если это так, то надо занять позицию у отмели Вансон. Зачем укрепиться у глубокой реки? Сюда не явится враг, – нетерпеливо расспрашивает Хён Су Бэк, человек резкого характера, прозванный Тандор («Нетерпимый») за то, что ему не терпится сказать другим свои слова.

Пак Та Чжи, любитель шутки, невозмутимым, спокойным тоном отвечает:

– И противник думает так же, как мы. Вот, почему я здесь строю боевую позицию, понял?

– Что ты говоришь? Противник думает так же, как мы?

Не успел Пак ответить, как отовсюду слышится крик: «Вон там япошки!» Да и то сказать: за рекой, ниже насыпи, набегают сотни самурайских солдат, поднимая за собой облака пыли.

И военачальникам Пхеньянской крепости, не успев устроить боевой лагерь на Вансоне, пришлось на позиции, занятой Пак Та Чжи, готовиться к бою с противником. Они наблюдали за действием япошек, тревожась, как бы не они

направились в сторону Вансона, минуя лагерь корейских войск. К счастью, противник добравшись до противоположного берега, дальше не двинулся и, начал стрелять из фитильского ружья в сторону позиции корейских ополченцев, где полощутся флаги. По команде Пака ополченцы стреляли из лука. И противник с отчаянным криком еще яростнее стрелял из мушкета. Пак приказывает: «Братцы! Мало стреляй, и то не в даль заречную, а на середину реки». Он хотел, чтобы врагам казалось, что пхеньянцы, перепуганные огнем из ружья, пали духом.

Самураи, по-видимому, не собираясь упустить шанс, сразу вместе впрыгнули в реку и начали изо всех сил переправляться. Когда почти все самурайские орды оказались в глубокой воде, Пак дает всем ополченцам новый приказ – одновременно пустить стрелы. Япошки на реке под градом острых стрел начали один за другим тонуть ко дну. Следовавшие за первой группой соплеменников, самураи, увидев эту ужасную картину, показали пятки. И оставшихся в живых были единицы.

Бой увенчался победой ополченцев. Среди них громко раздались восторженные возгласы.

Пак, похлопав по плечу Хён Су Бэка, кричащего «Ура!», говорит:

– Ну что ж, увидел? Самураи думали так же, как ты. Думали они, что мы будем обороняться только на мелководье. Если не так, почему они впрыгнули в глубокую воду

перед рубежом нашей обороны, не дойдя до незащищенного мелководья? Хо-хо!...

– Ты прав! И в этот раз япошки попали в ловушку Пак Та Чжи, – расхохотался и Хён Су Бэк.

Закатились громким смехом ополченцы и другие военачальники, восхищенные находчивостью умного Пак Та Чжи, который оставил япошек в дураках.

Надпись на доске в павильоне Рёнгван – «Прекраснейшая на свете земля»

Павильон как идеальное место для любования пейзажем издревле вошел в восьмерку достопримечательностей провинции Пхёнъан. Назывался и павильоном Чеир или Манхва. Здание, снова перестроенное в 1670 г., сохраняется до наших дней.

Павильон передает рассказ о том, что во время Имчжинской отечественной войны корейский военачальник Ким Ын Со при помощи патриотки по имени Ке Воль Хян рубил голову главаря самураев. Поднимаешься на павильон на берегу живописной реки Тэдон – увидишь перед взором широкий простор. На потолочной балке – большая доска с иероглифической надписью «Прекраснейшая на свете земля».

… В XVI в. в Пхеньян приехал дипломатический представитель из Китая династии Мин. Как-то раз он поднялся

на этот павильон. Очарованный прекрасным пейзажем перед павильоном, он после того дня постоянно был здесь. Шли дни, и наступил день возвращения в свою страну. На базаре он попросил одного столяра аккуратно сделать раму для надписи, конечно, за деньги. Затем он на доске рамы аккуратно написал крупным почерком слова: «Прекраснейшая на свете земля». С этой рамой дипломат поднялся на павильон и сказал людям:

– От роду по сей день, когда у меня волосы тронула седина, я исколесил всю страну, всю землю, но такой прекрасный пейзаж вижу впервые. Эту местность нельзя называть иначе, как «Прекраснейшей на свете землей». Других слов не искать! У меня к вам заветная просьба: повесите эту рамку в этом павильоне.

Его желание сбылось. Прошли годы. В каком-то году в Корею внезапно вторглись иноземные захватчики. Однажды летом их главарь в Пхеньяне пошел в павильон Рёнгван. Он видит доску с этой надписью и орет:

– Убрать эту доску! Немедленно! В такой маленькой стране, что на одном краешке этого света, как же может быть прекраснейшая на свете земля, а ?!

Тот нахал видит, как снимают доску его солдатики, поднимается на павильон и окидывает своим взором все стороны. А тот, весь ошеломленный чудным пейзажем, то и дело кивал головой. Мерзавец низеньким, дрожащим голосом велит принести снятую доску. Он, размахивая длиной

саблей, отрезает слова «на свете» и велит повесить на прежнее место доску с надписью «прекраснейшая земля» без слов «на свете».

Подчиненные непонимающе глядят вожака. Тут он городит:

– Слушай, слова «на свете», собственно, не по душе у меня, но не могу отрицать, что эта местность – прекраснейшая земля.

Лишь тогда слуги поддакивают и без промедления весят на прежнее место доску с оставшимися словами.

Захватчики были изгнаны пхеньянцами. Им было жаль, что на доске нет слов «на свете». Но они решили оставить ее, как она есть. Они думали: «Пусть это так, но сам факт, что даже враги, иноземные агрессоры, не смели зачеркнуть красоту пейзажа Пхеньяна, может быть предметом гордости города».

С той поры утекло много воды, но каждого посетителя павильона не покидало сожаление. Наконец, эти «потерянные» многозначительные слова возрождены в наши дни. Смысл исторической реликвии еще глубже ощущается ныне, когда на берегу реки Тэдон открывается чудесная панорама с «сотворением мира».

Экзамены на острове Рынра

Это было в середине XV в. В каком-то году осенью король Сечжо посетил Пхеньян. По его инициативе было решено проводить на острове Рынра экзамены на государственную должность по военному разряду.

Это очень обрадовало военных Пхеньяна. Понятное дело: до того такие мероприятия проводились, как правило, в королевском дворце, да и то с участием в них, главным образом, военных южных провинций.

Этому как никто другой больше обрадовался наставник Пак, который в горах Тэсон тренирует мастеров боевого искусства. Он, овладевший непревзойденным воинским мастерством, за десятки лет выковал целую плеяду спецов в военном деле. Он горел желанием в этот раз направить на экзамены учеников, чтобы они заняли 1-е место на первом туре экзамена. Этим ему хотелось показать свое «лицо».

Настал долгожданный день. Пак со своими учениками пошел на остров. Там уже много собрались военных и зрителей – хоть пруд пруди. Но тут взволнованный Пак не мог не разочароваться: перед началом экзаменов, король провозгласил, что в них примут участие только уроженцы провинции Пхёнъан и что претенденты родом из другой местности, если нарушат эти правила, будут казнены. Итак, был исключен из списка соревнующихся его ученик по фамилии

Рю – уроженец провинции Хамгён, один из своих самых талантливых.

Начиналось пари. Рю, вонзив меч в землю, обиженный, зарыдал. И Пак, его наставник, скрепя сердце, бил кулаком себе в грудь. Первая группа держала экзамен, вторая готовилась к демонстрации своего мастерства.

– Больше я не могу просто смотреть!

Так сказав, Рю с риском для собственной жизни вскочил на коня и помчался вместе с партией держащих экзамен. Он показал себя с лучшей стороны в верховой езде, обращении с мечом, стрельбе из лука и первым пришел к финишу. Оценка – «отлично».

Он, занявший 1-е место в первом туре, удостоен быть в аудиенции у короля. Наставник Пак беспокоился – у него душа была не на месте: если король узнает, что Рю уроженец провинции Хамгён, то, несомненно, его будут казнить.

Король расспрашивает его о семье и родном крае. Узнав, что он родом из провинции Хамгён, разъярился.

– Ты поганый какой! Если держат экзамен не пхёнъанцы, а уроженцы других провинций, то их будут казнить. Этого ты не знал?!

– Знал, милостивый государь.

– Знал, ты говоришь, а зачем держал экзамен?

– Позвольте сказать, я уроженец провинции Хамгён, но овладел воинским искусством в Пхеньяне, в горах Тэсон. Мне сказали, что сегодня Вы, государь, проверите боевое

искусство воинов Пхеньянской крепости. И я не мог не идти на экзамен, жалея свою жизнь.

– Готов ли ты к смертной казни?

– Меня учил наставник Пак. Чтобы быть воином, сказал он, прежде чем овладеть приемами и мастерством боевого искусства, должен быть самоотверженным в борьбе за Отчизну.

– Быть самоотверженным, говоришь?!

– Да, мне не жалко умереть и сейчас за это.

Привстав с места, король берет собеседника за плечи и, поднимая его, говорит:

– Сегодня, наконец-то, вижу перед собой настоящего воина! – восклицает король и велит признать его первым призером в 1-м туре, наградить и назначить его военным чиновником.

Однажды после экзамена к нему в дом наставника Пака прибыл на паланкине министр в сопровождении десятков воинов и передал эдикт короля о назначении его начальником военно-учебного ведомства в Хансоне. Но он, говорят, отказавшись от этого, как и раньше, в горах Тэсон неизменно готовил немало мастеров боевого искусства.

Народная музыкантша Лёок

Это было в период Древней Чосон. Она жила с мужем Квакричжаго душа в душу у переправы реки Тэдон в

Пхеньяне. Женщина музыкального дарования сочинила лирику «Конхуин» и исполняла эту песню на маленьком *конху* (корейский щипковый музыкальный инструмент) с 13 струнами. Муж был обездоленным лодочником. Семья жила бедно, но хозяйка очень любила музыку. Большое счастье для нее – играть на *конху*.

В один прекрасный день она, как обычно, играя на *конху*, ждала мужа, который на раннем рассвете пошел на промысел на переправу. Вернувшийся с работы муж рассказывает об увиденном им скорбном.

– Было это на раннем рассвете. Я переправляюсь на лодке, гребя веслами. Вдруг, откуда ни возьмись, явился сумасшедший белоголовый мужик с распущенными волосами и с бутылкой в руке впрыгнул в бурную реку, чтобы переправиться. Следует за ним жена и, зовя его, умоляет не перейти через реку. Но муж, не слушаясь ее, утонул. Жена, погруженная в скорбь, держа в руках *конху*, запевает. Песня называется «Конмудохага». Очень печальная и скорбная. Петь закончив, и она бросилась в реку и умерла.

Послушав мужа, жена с жалостью берет в руки *конху* и, играя на нем, воспроизводила ту песню. Итак, появилась на свете ее работа – лирическая песня под названием «Конхуин». Музыка, по преданиям, была так печальна и скорбна, что все не могли слушать без слез. Музыка песни не ясна, только текст в иероглифическом переводе передается до наших дней.

Так умоляла тебя: «Не переходи через реку»,
А ты зачем все-таки вошел в воду?
Ах, ты утонул и умер, дорогой мой,
Что мне делать-то, милый мой?!

Талант народной музыки Хо Дык Сон

Свою деятельность он вел в последние годы Чосон феодальной династии в провинциях Пхёнъан и Хванхэ с их центром – Пхеньяном. В истории корейской национальной музыки известен как лучший исполнитель песен западных провинций, как основоположник песен *чапка* (песни местного колорита, сложенные не по определенным правилам).

Рано лишился отца, жил бедно вместе со слепой матерью, освоил приемы и секреты выразительного пения. Говорят, с шуточным, юмористическим исполнением песен он стал виртуозным вокалистом.

Он с народно-песенными ритмами пел песни, которые в то время развивались на основе жизни простых городских жителей. Таким образом, он внес свою лепту в рождение и развитие западнопровинциальных *чапка*.

Порой он сам в Хансоне своим пением распространял *чапка*, и среди звезд пения слыл основоположником *чапка*.

Его жесты и движения тела вполне подходили содержанию песни, он мастерски исполнял шуточный танец «Горбун», интересуя зрителей. Его художественная деятельность родила серию интересных эпизодов. Один из них – «Потомку короля слава! Ура!»

В каком-то году после реконструкции королевского дворца Кёнбок (5-й год Кочжона, т. е. 1868 г.) Хо Дык Сон был приглашен на дворцовый концерт.

В то время феодальные правители пригласили на это мероприятие всех прославленных певцов страны, но с дифференциацией по провинциям. Они, не признав певцов западных провинций, не включили их в список приглашенных, за исключением Хо Дык Сона. Потому что он был популярен как певец-виртуоз западнопровинциального певческого голоса. И пригласили его: «Ну что ж, послушаем, посмотрим, каков твой голос».

На концерте присутствовали, конечно же, король и все гражданские и военные чиновники. На арене выступали звезды пения из всех районов страны. Наконец, пришла ему очередь.

Начало показываться его виртуозное умение: широкое, живое, бравурное звучание голоса, свойственное западнопровинциальным песням *чапка*, гармоничное сочетание пения со своеобразным шуточным танцем «Горбун». Концерт – в бурном оживлении. К тому же особо большие уши у него по тактам пения двигались вверх и вниз. И по движению ушей так же то поднимался, то спускался *мангон* на голове (головная повязка из конского волоса, надевается на лоб для предохранения прически). И зрители покатились со

смеху. Видя это, закатились заразительным смехом король и все чиновники.

На концерте того дня Хо Дык Сон своим выдающимся артизмом затмил всех остальных певцов из других провинций. Вся аудитория – и сами другие певцы, и зрители – кричала «бис» после каждого его пения.

В тот самый момент произошло ЧП: если бы не было бы у певца находчивости, он не избежал бы смертельной участи. Певец, как неиссякаемый источник, бесконечно импровизировал музыку и слова песен, но тут вдруг не разжал крепко стиснутых уст. Это было при декламировании под мелодией строчки стихов из какой-то старой книги, которая гласит: «Каждою весною зеленая трава все растет, а потомку короля уходящему возврата нет». Раньше он среди народа не без гордости декламировал эту строку под тактами вместе с простолюдинами, в которых в душе клокотала ненависть к королю и другим феодалам-правителям. Так пел в смысле того, что и поколению короля будет конец. Но сегодня дело другое – поет перед королем. Совсем забыл про это певец, слишком взволнованный. Погрешность какая! Беда! Уже изо рта сорвались слова: «Потомку короля». Ну что делать? Дальше послышится фраза «уходящему возврата нет!» – голова у него уже с плеча. Каким бы он ни был виртуозным импровизатором, в тот миг у него в глазах потемнело. И те чиновники, которые до того разразились смехом, с замиранием сердца только глядели на короля и рот певца.

Их глаза подсказали: «Сейчас же упадет в какой-то угол голова с плеча этакого паяца». Через секунду изо рта певца второй раз сорвались слова «Потомку короля», а затем вдруг прервался голос, и он начал танец «Горбун» в один такт, и дальше прозвучал громкий голос: «Слава! Ура!» Итак, получилась фраза: «Потомку короля слава! Ура!» Нитка напряжения оборвалась – зрители со спокойным вздохом подарили певцу бурные овации аплодисментов. Казалось, как будто певец искусно захватил сердца зрителей и создал такую потрясающую кульминацию. Был верх своего рода волшебного художественного дарования.

Король, очень довольный долголетним наследством королевской династии, позвал простого певца ближе к себе и велел налить ему чарку водки. Затем он велел присвоить певцу звание *чхонсун* (чин среднего разряда в провинциальных войсках) по его просьбе.

Так певец, получив такой чин по приказу короля, вернулся на родину – в Пхеньян в наряде чиновника: парадная форма военного чиновника, блестящая сабля на боку удивили земляков. Но он отказался от чина. Сняв с себя мундир, сунул его в сундук. А ради чего он просил короля присвоить ему звание чина военного? Чтобы взять реванш за то, что однажды свою родную мать, слепую, обидели на базаре рядовые солдатики. С той поры, по преданиям, пхеньянцы начали прозывать певца Хо Чхон Сун.

Патриотка Пэк Сон Хэн

Центральную часть г. Пхеньяна пересекает полноводная река Тэдон. У берега возле старинного павильона Рёнгван стоит трехэтажное каменное здание – дом-музей патриотки Пэк Сон Хэн (19 ноября 1848 г. – 8 мая 1933 г.).

Женщина до престарелого (более 80 лет) возраста жила одиночкой. Трудолюбивая и скромная, она жертвовала все свои деньги, накопленные за счет экономии, на благо Родины и нации.

Родилась старшей дочерью в семье бедного конфуцианского ученого Пэк Чи Ёна. В семь лет лишилась отца и жила в крайней нужде. В 14 лет вышла замуж, но через два года муж умер. В считанные дни мужа она кровью своей руки продлила жизнь больного на пять дней. Но судьба не помогла ей, и больной муж, оставив молодую жену, ушел из жизни. С той поры соседи и соседки называли ее вдовой Пэк. В годы лихолетья японского колонизаторского правления, упорным и прилежным трудом начала копить копейку за копейкой. Чего-чего не делала она! Ткала конопляный холст, ткала грубую хлопчатобумажную ткань, торговала молодыми ростками соевых бобов, приготовляла и продавала *тубу* (соевый творог), собирала и продавала остатки еды, продавала цветы, разводила свиней. Десятки лет трудилась неутомимо, не покладая рук.

За накопленные деньги она купила никем неухоженную каменистую гору, за бесценок. Затем продала эту горную местность некому японцу Онода, хозяйничавшему после японской оккупации Кореи, в десятки раз дороже, чем первоначально затраченное. И она, нажив огромные барыши, оказалась в числе богатейших в провинции Пхёнъан. Но была ярой противницей роскоши и наслаждении, трудилась прилежно, жила скромно и просто.

Не жалела всех накопленных денег ради своих земляков и землячек. Так, когда-то наводнениями был разрушен мост перед поселком и люди испытывали неудобства в быту, Пэк без малейшего колебания пожертвовала свои деньги, чтобы построить каменный мост. После этого люди дали ей имя Сон Хэн (в переводе – «добрые дела»), назвали этот мост по ее имени мостом «Пэксон». И после этого Пэк Сон Хэн жертвовала огромные суммы денег для просвещения соотечественников и воспитания подрастающих поколений. Так, подарила большие площади земель Квансонской начальной школе, Чхандокской, Сунъыской женской и другим школам в Пхеньяне. В центральной части Пхеньяна всем на зависть построила за свой счет дом собраний, чтобы им пользовались только корейцы.

Это и есть нынешний дом-музей Пэк Сон Хэн. Сегодня это здание используется как важное место для воспитания людей в духе патриотизма. Оно, зарегистрированное как исторический памятник национальной ценности, бережно сохраняется государством.

ЛЕГЕНДЫ О ПХЕНЬЯНЕ

Древняя история Пхеньяна

Тангунский дворец – ивовый

О Тангуне, родоначальнике корейской нации, много легенд. Все они сложены предками корейцев, обожествлявших его. К ним относится и следующая легенда.

… Тангун, основатель Древней Чосон, определил Пхеньян как столицу государства. Это было в день, когда его возвеличили королем.

Сановники не успели заранее воздвигнуть королевский дворец, где жил бы Тангун. Что делать! И в этот день Тангун вернулся в свой прежний скромный дом, что стоит на солнечной середине красивой сопки Моран.

В ту ночь они, посоветовавшись между собой, решили воздвигнуть великолепный роскошный дворец для короля, основателя государства, и обращаться к нему с петицией. Они, проводив всю ночь напролет, утром следующего дня пошли к нему в дом, где он живет.

Ба! Что это же такое! Все совсем изменилось. Бесследно исчезли тропинки от реки Тэдон до дома Тангуна. Зато на

середину сопки Моран протянулась длинная земляная лестница – широкая, аккуратно ухоженная. В конце лестницы, на краю, где раньше стоял его дом, высится, к общему удивлению, уютный дворец, окруженный ивняком. На травянистом лугу вокруг него стоят буйно растущие березы.

Сановники, делая большие глаза, долго проглядывают. Они по земляным ступенькам поднялись в Ивовый дворец. В лесу буйных берез вокруг дворца дружно, душа в душу, обитают тигры и медведи, олени и косули, коровы и овцы. Тангун среди них ходит в глубоком раздумье.

Сановники спешно подходят к Тангуну.

– Что случилось, государь?

Тангун слегка похлопывает по шее оленя, просящего корма, делает шаг вперед и говорит:

– И я не знаю, что и как. Скажу вам только одно. Вчера ночью мне снился сон. С неба мне спустился бог и сказал: «Раз ты стал королем государства, должен иметь свою резиденцию, не так ли?», и исчез. Утром встал и вижу: бесследно исчез ветхий дом и воздвигнут такой великолепный дворец.

Услышав короля, сановники, коленопреклонные, делают небу земной поклон.

– Благодарю. Спасибо вам.

Они просили извинения за то, что заранее не могли создать дворец, и, обращаясь к небу, не раз делали глубокий поклон в знак выражения признательности Небесному богу за создание дворца.

Дворец старшего сына неба и земли

По преданиям, Тангун, основатель древнего государства, часто поднимался в небо на коне *Кирин* (сказочный пятицветный конь с шеей оленя, коровьим хвостом, лбом шакала и лошадиными копытами – ред.), чтобы доложить о проведении разных государственных дел.

Однажды он поднялся в небо с этой целью. В тот день сопка Моран гор Кымсу, где живет Тангун, погрузилась в облака тумана такого белого цвета, как вата из хлопка нового урожая. А со стороны дворца, окутанного густым туманом, всю ночь послышался шум: голос «Раз, два – взяли!», звуки, обтески камней и разрезания бревен.

Настало утро следующего дня. На середине сопки Моран вдруг, откуда ни возьмись, появился грандиозный дворец, который блестит на утренние лучи солнца. Сановники Тангуна диву дались и прибежали на новоявленное чудо света. Перед их глазами – высокий дворец из камней голубого цвета в сотню *чхок* (один *чхок* – около 30,3 см). Над дворцовыми воротами – серебристая доска с надписью «Дворец старшего сына неба и земли», высеченной на каменной плите голубого цвета. Неожиданно появился величавый и грандиозный дворец! Сановники считали его чудесным и обрадовались сюрпризу, не находя себе места. Но они не смели войти во дворец и мешкали, обходя здание. Они с

нетерпением ждали и ждали скорейшего возвращения Тангуна с неба и вступления во дворец.

В ту минуту из дворца выходит доверенное лицо и передает сановникам распоряжение Тангуна – скорее войти во дворец. «Значит, государь уже во дворце?!» – с таким удивлением они входят, следуя за ним. Они видят: дворцовые колонны, стены, полы светлые, ослепительные, из камней голубого цвета. Их встречает Тангун в великолепном наряде.

Сановники были в таком настроении, что будто оказались в небесном дворце. Они, пав ниц перед Тангуном и долго потирая глаза, растерянно взирают на него. Виданное ли это дело?! От большого удивления они обращаются к Тангуну:

– Позвольте спросить, когда Вы, государь, вернулись с неба, да и откуда появился этот дворец?

Тангун с доброй улыбкой на лице, гладя длинную бороду перед своей грудью, говорит:

– Слушайте, вчера я взмыл в небо. Там Небесный царь мне говорит: «Теперь ты создал государство и занял королевский трон. Значит, у тебя должен быть дворец. Это касается авторитета страны». И он повел меня в таинственное место. Там выстроились рядами многие дворцы разного цвета. Небесный царь говорит: «Подбери тот, что тебе по душе». И я указал на этот дворец. Небесный царь лично написал слова на доске и повесил ее на ворота дворца. И он говорит: «Иди во дворец». Я открываю дверь во дворец и

осматриваю его – и уже спустился вот так на землю.

Послушав короля, сановники, опять пав ниц перед Тангуном, не перестают поклоняться и от восторга хором говорят:

– Ваша милость, так о нас заботится Небесный царь, и в нашей стране будет вечная слава и процветание!

По преданиям, так появился Тангунский дворец. После этого страна еще больше процветала. Прошло много столетий, но люди соседних стран, очень удивленные внушительным видом дворца Тангунской Чосон, единственного на этом свете, не смели обращать умышленный взгляд на нее.

Гора Хон

Эта небольшая гора стоит в конце отрога, протянувшегося к юго-западу от горы Тэбак в Кандоне. Издавна на этой оголенной горе плохо растут деревья и травы. Оттого и название горы – Хон («Красная»). Почему эта гора стала оголенной? Об этом рассказывается в следующей легенде.

… Это было ранней весной какого-то года. Тангуну, сыну главы пакдарского племени, исполнилось 10 лет. Однажды отец зовет маленького сына. Тангун вежливо сидит на колени перед отцом, который с довольным взглядом долго смотрит на него.

10-летний мальчик выглядел намного старше своих лет.

Отцу, очень довольному ростом сына, конечно, хотелось крепко обнимать его большое тело и слегка похлопывать

ему по румяным щекам. Но он на лице не выразил ни тени удовольствия, а, посерьезнев, обводит сына строгим взглядом.

– У мужчины десятилетний возраст, думаю, немалый. Тем более, что тебя ждут большие дела. Тебе, я бы сказал, надо больше стараться владеть личными качествами для этого, понял?

– Понял, так будет сделано, папа!

– Вот теперь твое дело – упражняться на стрельбе из лука и обращении с мечом. Не только на одном дворе. Живи там, куда я укажу, проводи целый этот год за отработкой воинского искусства. И если осенью мне не будет по душе твое мастерство, то не думай вернуться домой.

– Слушаюсь.

Его слово, данное отцу, стало твердой клятвой. В следующий день отец с сыном пошли на выбранное им место для совершенствования воинского искусства, – на нынешнюю гору Хон. За ней стоит ширма из отрогов высокой горы Тэбак, перед ней течет чистая река. Меж них простирается не так уж крутое, низкое плоскогорье. Словом, идеальное место для воинской тренировки.

С того дня сын жил в горах, ел и спал здесь, без устали осваивал секреты воинской выучки. Он свято хранил в сердце глубокомысленный отчий наказ, дал себе твердую клятву: что бы ни случилось, делами оправдать ожидания отца. Им владела одна мысль: «Выучусь так, чтобы осенью

ахнул отец!»

С ранней весны, пока еще не появились в лесу и на поле побеги травинки, до лета с густой зеленью, до осени с падающими кленами – почти целый год он вложил всю душу в тренировки. Местные жители, приходившие любоваться его тренировками, не скрывали восхищения. Самодовольный мальчик пошел к отцу.

– Вернулся, чтоб показать тебе свое воинское мастерство, освоенное за год.

– Как это проверить во дворе? Узнаю это там. Посмотрим сначала место тренировок.

Надолго осматривает отец без слов и, наконец, упрекает сына.

– Вижу, ты ленился тренироваться. Отчего?

– …

– Здесь были травы, когда ты впервые пришел сюда? – строго спрашивает он растерянного сына.

– Не было. – отвечает сын, пришедший сюда ранней весной, когда не было видно ростков трав.

– Ну а скажи, почему здесь так много осталось трав-то? – указывает отец на луг на месте тренировки, где растут травы выше колена.

– Эти травы росли за год, – отвечает сын бессмысленно.

– Значит, воля твоя воинская слабее растущей травы? Так росли, видишь, травы даже под копытами твоего коня. Нечего говорить, ты ленился. Не так ли?

Сын не мог ответить.

– Знаешь, сынок, ради чего воину тренироваться? Чтобы не только освоить воинское мастерство, но и воспитать в себе храбрость и твердую волю. Понял?

– Я виноват, отец! – пал ниц сын, наконец, поняв смысл отчьего наказа.

Сын, конечно, не мог возвратиться домой. И после возвращения отца сын несколько ночей не мог уснуть. Душа у него болит: «Выходит, я проиграл травинке, и за мою лень упрекал отец». Чем больше он думал об этом, тем стыднее стало. Глубокое раскаяние необычайно крепило его клятву: «В следующем году буду заниматься тренировками так упорно, чтобы здесь не могла расти ни одна травинка!»

Ни снежные вихри, ни трескучие морозы – ничто не могло быть помехой ему в тренировке по верховой езде. С ранней весны он скакал верхом, растаптывая поросли травы на гребне и у подножия горы. Кончается тренировка дня – он лежит спать. Даже в полночь чудится ему появление ростков травы – он тут же встает с постели и скачет верхом на месте тренировки. Так прошла в том году весна и лето брало свое, но на месте тренировки не было видно ни одного стебля травки – все растоптано лошадиными копытами. На горном гребне – только одни слои пыли красного цвета и белые каменные порошки. Ни на минуту не прекращались упорные тренировки всадника. И даже в осенние дни там не было ни одной былинки.

В один из тех дней отец опять пришел к сыну посмотреть его воинское искусство. Он поднимается на гребень оголенной, красной горы, и ступает на землю, где на легком ветру летает одна пыль. На лице отца, наконец, играет улыбка от довольствия и восторга.

– Вижу: гора краснеет, и моя душа радуется! Теперь, кажется мне, видится след твоей воли, – так говорит он и, обводя своим взглядом вместе пришедших, добавляет: – Вижу перед собой крепкую опору, призванную нести судьбу нашего племени. Это безмерная гордость, большая радость. Не так ли?

Но и в том году он не вернулся домой. Еще несколько лет он беспрерывно скакал верхом и совершенствовал свое воинское мастерство, чтобы ковать в себе твердую волю и вынашивать большой замысел. И гора стала голой, красной в буквальном смысле этого слова.

Поэтому, говорят, и в наши дни эта гора, не имеющая ни дерева, ни травы, называется горой Хон – красной.

Озеро Тангун

Это небольшое озеро находится в уезде Кандон. Источник естественного озера берется в подводной пещере. И в летнюю жару вода свежая, прохладная, зимой – незамерзающая, теплая. Ее объем никогда не уменьшается.

Издавна в этом чистом, глубоком озере обитали косяки

рыб разных видов, во все времена года сюда собирались птицы и звери пить воды. Это приумножало великолепный пейзаж водоема. А откуда взято название озера? По преданиям, от того, что Тангун не только веселился на лодке, но и, наблюдая за обитанием и движениями собирающихся животных, вынашивал находчивые замыслы. По этому поводу передается следующий рассказ.

… Тангун строил стратегический план присоединения к себе одного из соседних племен – племени Магви. Он на озере, гребя веслами на лодке, тихо погружался в раздумье. Дикие утки прилетают на озеро и, плавая на волнах, ловят рыбы, на скалах и в приозерных зарослях щебечут птицы. На краю берега озера, соприкасающемся с большаком, стоит на часах его военачальник, чтобы посторонние не мешали размышлению Тангуна. Рядом с военным спокойно, с протянувшимся языком, сидит охотничья собака, которую ласкает Тангун. Утреннее солнце уже высоко в зените, но на тихом озере царит тишина, как будто созревает мысль Тангуна. Стоит такая глубокая тишь, что даже можно разбираться в стрекочущих звуках неизвестных насекомых в зарослях на том берегу озера.

Вдруг, откуда ни возьмись, на большаке явился военный, который изо всех сил скачет верхом с громким звуком копыта – цок-цок-цок. С испуга, хлопая крыльями, улетают десятки уток, плававших до того на озере. И охотничья собака, до того спокойно сидевшая, резко прыгает и громко

лает в сторону приближавшейся лошади. Нарушается безмятежная тишина.

Военачальник спешно прибегает к приближавшемуся боевому коню и, останавливая его, ругает:

– Что это за безобразие!

Всадник сошел с коня и, преклонив одно колено, говорит:

– Есть о чем срочно доложить старейшине племени.

– Каким бы срочным ни было дело, надо либо подождать в военной палатке, либо потихоньку подойти. Куда ты гонишь лошадь? Зачем здесь поднять шум?

– Прошу прощения. Позвольте сказать, я только думал о приказе командира – срочно сообщить об этом старейшине и…

Когда военачальник журит всадника, Тангун, уже на лодке причалив на берег, спрашивает в чем дело. Лишь тогда верховой, подойдя к Тангуну, делал поклон и объясняет:

– Весточка о крепости Маго. По сообщениям, глава племени Магви, понюхав наше намерение напасть на крепость Маго, сейчас ведет полную боеподготовку. Что надо делать в такое время, мы не знаем, и наш командир направил меня за Вашим советом.

– Гм, так и должно быть. Об этом я думал и искал адекватные меры.

В тот момент военачальник еще раз упрекает:

– Видишь, что ты, вестовой, наделал! Наш почтенней-

ший старейшина уже все предвидит, а ты, зря подняв шумиху, прервал серьезную мысль Нашего Величества…

– Приношу извинения, – верховой просит прощения, прикасаясь головой земли.

– Хватит. Этот воин не нарушил мое размышление, а наоборот, пробудил во мне чудесную идею.

Не понимая в чем дело, столбенеют военачальник и всадник. Тангун обращается к ним с вопросом:

– Только что ты, верховой, шумным вихрем мчался на лошади к этому озеру. Теперь скажи, куда улетели плававшие утки, куда лаяла эта собачка?

На минутку мнется воин, не зная, почему об этом спрашивает Тангун, а затем говорит о том, что видел:

– Собачка лаяла, мчась ко мне, а стаи уток улетели на север во избежание конского копыта.

– Ну а скажи, что надо делать, чтобы бить собаку и уток?

Лишь тогда собеседник, словно поняв смысл заданного вопроса, уверенно отвечает:

– Нападающего зверя надо бить по затылку, а в улетающих птиц стрелять прямо!

– Ты прав! Вот что идеальная идея бить по нападающему племени Магви! Выходит, вот именно ты пробудил во мне эту идею, не так ли?

– Все понимаю.

Воин, до глубины души тронутый, просто не находил себе места, а тот военачальник опять не скрывал своего

восхищения находчивостью Тангуна.

По такому плану Тангун притворился, будто фронтально атакует крепость племени Магви, намеревающегося прямо нападать, а внезапно ударил по нему сзади и легко присоединил его к своему племени.

По преданиям, все тактические приемы, разработанные Тангуном на этом озере, принесли победы во всех боях.

Его находчивость, говорят, была так неистощима, как родниковая вода, которая бьет ключом из пещеры на дне озера. И этому небольшому озеру было дано название Тангун.

Адарский родник

Этот неиссякаемый родник бьет из-под земли горы Адар. Об этом роднике передается немало легенд, в их числе – следующая.

… Прошло много лет с той поры, когда Тангун, пылкий молодой военачальник, правитель Древней Чосон, определив Пхеньян как столицу государства, расширял территорию на север и юг. И у него на висках уже седина.

В каком-то году летом он со своей свитой возвращался с поездки в южные районы страны. В Кандоне он велит на минутку остановить королевскую процессию. С коня он с волнением окидывает взором прекрасную землю Кандона. Король видит перед собой невысокую безлесную сопку, на севере которой стоят горы, как ширма. Ему вспомнилось,

что здесь он в детские годы упражнялся для освоения воинского искусства. Видит – на юге течет прозрачная речка Сучжон. На ней мылся в далекие годы он, покрытый на упражнениях потом и земляной пылью.

Обводит он своим взглядом прекрасные горы и речки – не видит ни одного уголка, который не наводил бы думы о прошедших далеких детских годах. Да, это незабываемая родная земля, на которую ни разу не мог ступить он, нагруженный нелегкими делами, после того, как он в молодости покинул этот край с великим замыслом, построил государство и начал расширять территорию страны.

Чувство ностальгии по родному краю и неизгладимая память о прошедших годах не дали ему просто миновать эту местность. С глубоким волнением осматривая родную землю, Тангун обращается к сановникам:

– Нынешняя поездка, думаю, не так уже срочная. Недозволено просто миновать этот край, – и, глядя на гору Адар, говорит: – Там, под горой Адар, бьет родниковая вода, прохладная и сладкая. Попьем глоток воды и дальше пойдем.

Тангун, повернув коня, со свитой идет к роднику Адар. Один из сановников, сметливый, первым бежит к роднику и наполняет посуду из синего нефрита чистой родниковой водой для короля. Но Тангун не получает поднос и говорит:

– Знаешь, родниковая вода вкусна, когда пьешь, черпая своими руками.

Сойдя с коня, он подходит к роднику и окидывает взо-

ром горный ключ. Видит – вода чистая, прозрачная и даже привлекательная, как и раньше, когда в молодые годы часто прибегал сюда и пил, лежа ничком. Чтобы попробовать вкус ключевой воды, он, преклонив одно колено, берет черпак и собирается черпать – и тут он вдруг не двинулся, как вкопанный. Да и то сказать: в далекие времена, когда он поглядывал на родник пить воды, на ее поверхности отражалось румяное потное лицо молодого человека, а теперь совсем исчез образ тех времен и показалось лицо седого старика.

Узнав, что тот старик – не кто иной, как он, Тангун, даже сам не замечая, грустно вздохнул: «Боже мой! Я уже постарел! Пора передать важнейшие государственные дела наследному принцу, полному кипучей энергии, покинуть этот мир! Этого я не успел понять!»

Так про себя говорил Тангун. Вернувшись в столицу, он в ту ночь не мог сомкнуть глаз. Терзали его думы о будущих делах государства. Вместе с тем всю ночь беспокоила мысль: «Пусть наследуется королевский трон, но разве страна так будет процветать, как сейчас? Разве все в дружбе и согласии будут ли с полной отдачей трудиться на благо государства?» С такой думой он провел всю ночь напролет.

Со следующего дня, когда ночью не снилось из-за беспокойства о будущих делах страны, вставал с постели и стал составлять одно за другим правила, которые следует соблюдать последующим потомкам для развития и процветания страны.

Такие нормы поведения, разработанные его неутомимым трудом, он для всех предал гласности в последние минуты своей жизни. Это и есть, по преданиям, его завещание, оставленное для будущих поколений. Его содержание, говорят, примерно следующее.

– У всех душа одинакова. Владея собой, править народом, чтобы своя душа отразилась в другой.

– Уважать своих родителей и с такой же душой поддерживать государство – вот в чем сыновняя почтительность и верность государству. С таким чувством морального долга поддерживать государство.

– Кусаешь себе десять пальцев – нет ни одного пальца, который не болит. Пусть все любят друг друга, не ревнуют друг к другу, чтобы семья стала дружной и страна была в покое.

– Корма для коровы и лошади подаются отдельно. И пусть все уступают друг другу, не отнимают друг у друга, чтобы семья стала зажиточной и страна была богатой.

– И у птиц своя чета. Пусть мужчина и женщина не впадут в разврат. Пусть супружеская чета живет всю жизнь без измены.

– И слабые, и люди низкого происхождения – все одной и той же страны. Их не презирать, не оскорблять.

– Живут другие – и ты живешь, ты живешь – и другие живут. Не питать лукавость и затаенную злобу, не быть склонным вредить другим.

– Гора и река, трава и дерево дают людям то, что они едят и употребляют; дают жить скоту, который используют люди. Любить все предметы на природе.

Тангунские заветы, говорят, свято передавались потомкам вместе с водой Адарского родника, которая бьет ключом тысячелетия.

Конная могила

В ущелье Чхонге горы Тэбак увидишь необычно большую могилу, что называется «конной». По преданиям, там покоится конь Кирин, хозяином которого был Тангун. Об этом рассказывает следующая легенда.

… Было это после того, как Тангун ушел из жизни. По заветам прах покойного похоронили в Кандоне. Сановники, несколько дней проводив похоронные мероприятия, вернулись в Пхеньянский королевский дворец. В тот день ночью в нем поднялась неожиданная суматоха: в ночь дня окончания похорон Тангуна куда-то ушел тот самый конь Кирин, которого так любил хозяин при жизни и который после его ухода из жизни ничего не ел.

Старший сын Пуру, ставший королем, наследник Тангуна, послушав эту весть, бил кулаком себе в грудь. «Какой это конь! Нечего говорить, у него огромная заслуга в создании государства моим отцом. Это на редкость ценнейший конь, сокровище страны, а он потерялся!» Пуру позвал чи-

новника ведомства королевских конюшен, ухаживавшего за конем Кирин, и дал приказ скорее найти потерянного коня. По его приказу чиновник разослал курьеров и сам пошел на поиск коня.

Однажды он, услышав слухи о том, что конь явился в Кандоне, спешно помчался туда. По словам кандонцев, днем бесследно исчезает конь, а в глубокую ночь, когда все спят, спускается на гробницу Тангуна и, раскапывая землю, печально фыркает. «И-и-и!» – плач коня, зовущего хозяина, терзал людские сердца.

Послушав о печали коня, чиновник велел подчиненным построить временный конный двор, но конь ни разу не ступил. Прошло несколько дней. Однажды ночью слышится скорбный плач коня – и на гробнице Тангуна вдруг, откуда ни возьмись, появляется свет синих огней и до рассвета не гасит. После этого с гробницы не слышался такой плач коня.

Чиновник и его подчиненные снова стали искать в Кандоне след коня. Через немного времени они нашли узду и седло у подножия горы Адар, что на востоке от гробницы. Поняв безнадежность, они опустились наземь и зарыдали. Видя их, старожилы села утешали:

– По-видимому, ничего не поделаешь. После вспышки огней синего цвета на гробнице по ночам вон там, на вершине горы Адар, светят те огни. По всей вероятности, Великий король Тангун обернулся горным богом. И тот конь Кирин, несомненно, превратившись в бога горы, поддержи-

вает короля .

Почерпнув в их словах силу, они вернулись в Пхеньянский дворец и, доложив королю Пуру обо всем, что увидели и услышали, сами просили наказания:

– Позвольте сказать, государь, мы, грешный люд, ленились исполнять свои служебные обязанности, и потеряно государственное сокровище. В тысячу раз умрем, но не сможем просить пощады.

Король, не отрывая своих глаз от принесенных ими верховой сбруи, молчит и, наконец, подняв голову, тихим голосом молвит:

– За это виноваты не вы. Ни с чем несравнима неудержимая искренность коня Кирин, готового и после смерти быть верным Его Величеству.

Затем он велит вблизи от гробницы Тангуна захоронить в большой могиле узду и седло коня Кирин. Итак, по приказу короля в ущелье Чхонге, недалеком от гробницы Тангуна, появилась могила коня. И после этого из лошадиной могилы каждую ночь испускался свет синих огней и достигал вершины горы Адар. По преданиям, это дух-конь Кирин, который в каждую ночь выходит из могилы и поднимается на гору Адар, чтобы Тангун мог на коне осматривать пограничную окраину страны.

Раскаты грома на горе Адар

В Корее предки, считавшие Тангуна божественной личностью, передавали из уст в уста легенду. О том, что покойный Тангун, обернулся духом и заботился о государственных делах и жизни простолюдинов.

… Давным-давно в деревне у горы Адар жил-был старый крестьянин по фамилии Пак. Он взял в аренду землю помещика Хвана. Честный, прямодушный хлебороб, не покладая рук занимаясь земледелием, с искренней душой постоянно ухаживал за гробницей Тангуна и горой Адар, чтобы они не оказались в силе злых духов.

Однажды ночью он проснулся от грохота, потрясающего отопляемый пол комнаты. Привстает и обшаривает своим взором все углы комнаты, но никак не мог гадать, откуда этот грохот. И, открыв дверь, выходит из комнаты и оглядывает все вокруг, идет шаг за шагом, стараясь узнавать, откуда шум. И, наконец, доходит до горы Адар, с которой слышится гулкий, громкий грохот. Оттого земля трясется и буйные деревья-великаны дрожат.

Было так странно, что крестьянин долго стоял, как вкопанный, перед горой. Только к рассвету гора Адар перестает «плакать», и вокруг воцарилась мертвая тишина.

С далеких времен в этой местности передается пророчество: «Плачет гора Адар – набегают чужеземные неприятели».

Рассветает. Пак рассказывает старым односельчанам о случившемся минувшей ночью.

– Несомненно, нападут на нас иноземцы. Думаю, надо принять нужные меры обороны. Не так ли?

– И мы, – говорят они, – слышали странные звуки. Согласны с тобой. Пошлем сначала молодых вооруженных на крепость уездного центра.

Вся деревня зашумела. Тут появляется помещик Хван, хозяин земли, и, тыкая рукой в воздух, орет:

– Солнце утреннее уже высоко, а вы почему не в поле?

Пак подробно объясняет все, что было на горе Адар, а тот не хочет этого слышать.

– Какие там звуки-то? Думаете, гады, что я не знаю ваши умыслы? Хотите сделать пакости? Идти на поле немедленно! А то отниму у всех земли и скажу это ведомству, чтобы вас, людишек недобрых, жестоко наказали.

Помещичье нахальство не дало старику Паку и другим сельчанам как следует готовиться к бою с чужеземцами. Но и в ночь того дня все «плакала» гора Адар, что не давало всем сельчанам спать, и им, обеспокоенным, пришлось провести всю ночь напролет, не сомкнув глаз. Утром следующего дня старик Пак говорит им:

– То, что мы лишимся земель и будем наказаны, – это дело не главное. Первым делом нам надо отбить иноземных агрессоров. Пойдем на уездную крепость!

И все – мужчины и женщины, стар и млад – вооружившись, пошли вслед за ним. Добрались до назначенного места, они заранее полностью подготовились к бою и смогли своевременно отбить наскоки иноземных орд.

После этого помещика взяло беспокойство: «Я ничего не слыхал, что плачет гора Адар. А вот только они, крестьяне, говорят, что слышали. С какой статьи?» Тот умышленный человек, наконец, донес начальнику уездной управы на старика Пака: «Его поступки, вижу, сомнительны, по всей вероятности, он имеет тайные связи с чужеземцами. Если не то, то откуда ему, деревенскому невежде, знать о нашествии внешнего противника?»

Начальник уездного ведомства тут же приказал арестовать Пака на допрос.

– Скажи, ты тайно связен с внешними врагами?

– Как это так! Этого быть не может. Я всю жизнь только занимаюсь земледелием.

– Тогда скажи, откуда ты узнал о нашествии врагов?

– Гора Адар несколько ночей плакала.

Находящийся рядом с начальством помещик перебарщивает:

– Эй, ты негодный, скажи правду. Думаешь, что я человек без ушей?

Старику было отвратительно видеть, как ведет себя помещик, который даже ни разу не моргнул глазом, когда страна была в опасности, а наоборот, теперь всячески силится вредить честному человеку.

– Если вы, уважаемый Хван, ничего не слышали своими ушами, то, думаю, король Тангун не видит в вас своего потомка.

– Что ты говоришь?

– Ну, тогда зачем дух-Тангун делал так, чтобы его голос слышался только нам, а вам – нет?

Слушая его, все сельчане, довольные, осыпают помещика руганью. И тот, у кого через край имущество и власть, с покрасневшим лицом не молвит ни словечка.

Этот рассказ передается как легенда о том, что при каждом создании в стране опасности «плакала» гора Адар.

История о квартале Хынбу

С павильона Чвэсын на сопке Моран поглядишь на северное подножие – увидишь красивый на вид поселок на бугорке у реки Тэдон. Поселок называется Хынбу. О нем передается следующая легенда.

… Столицей древнего государства Когурё пока еще была Внутренняя крепость (Чжибан, т. е. Цзиань) в среднем бассейне реки Амнок. Однажды король государства дает одному из сановников распоряжение:

– Нам хотелось бы переместить столицу на юг. По слухам, в давние времена Пхеньян был столицей Чосон. Этот край – первооснова горных жил. Там прекрасные горы и реки, плодородная земля и людям живется хорошо. Но прошло много времени, и сегодня мне, к сожалению, неизвестно, где этот край. Ты иди на юг и найди, где Пхеньян.

Итак, сановник, быстро подготовившись к поездке, тронулся в путь-дорогу искать Пхеньян. Переходил реки Амнок и Чхончхон, одолел немало крутых перевалов, шел по полям и взгорьям.

Однажды он на какой-то вершине горы, вытирая пот со лба, смотрит вперед. Перед взором – удивительная картина: течет широкая синяя река, на севере стоят горные массивы, перед ними открываются просторы широких полей. На редкость прекрасный ландшафт. Осенила его мысль: «Может, это Пхеньян?!» И он спустился на берег реки, чтобы найти жилье. Перед какой-то избой, что в тихом уголке у берега, он зовет хозяина.

– Скажи на милость, как называется этот край?

– Издавна называют Пхеньяном.

– Точно? Говоришь, это Пхеньян! Боже мой, наконец-то, теперь он нашелся! – от радости он просто не находил себе места.

Старик-хозяин дома, совсем растерянный, с недоумевающим взглядом смотрит на незнакомца. Сановник рассказывает обо всем, что было до того, и не скрывает несказанную радость.

Успокоенный сановник просит у хозяина воды. Старик из комнаты выходит с большой пустой чарой и говорит:

– В гости пришел ко мне такой дорогой человек, но не-

чем угощать вас. Прошу с этой чарой пить свежей воды из родника.

Гость берет чару и пьет чистой воды из ключевого родника у избы.

Что это за чудо! То, что пил той чарой, не простая вода, а водка ароматная! Не только веет ароматом, но и умножает у него приятное настроение, сразу же снимает с тела груз накопившейся усталости и придает ему прилив новой силы.

Со следующего дня он за несколько дней ознакомился с местным рельефом, затем немедленно вернулся на Внутреннюю крепость и доложил королю об всех увиденных подробностях. Восхищенный король был рад слышать, что его посланец пил чаркой, поданной тем стариком, родниковой воды и та была не чем иным, как ароматной водкой.

– Вот это да! Пхеньян вполне достоин быть столицею!

Итак, после перенесения столицы в Пхеньян поселок, где старик подал сановнику большую чару, начали называть «Хынбэ» («чарка веселья»). Эта легенда передавалась из уст в уста, в ходе этого происходила фонетическая трансформация и постепенно назывался тот поселок Хынбу.

Как крестьянин обвел вокруг пальца дворянина на гробнице короля Тонмёна

В этой гробнице в Пхеньяне покоится прах первого короля древнего государства Когурё. И издревле корейцы бе-

режно, аккуратно ухаживали за ней.

Но в годы Чосон феодальной династии дело пошло иначе. Правители-*янбаны* (дворяне), насквозь пропитанные духом низкопоклонства перед большой страной, порой небрежно относились к могиле родоначальника нации.

За это болели больше всего душой сельчане, живущие возле нее.

Однажды какой-то крестьянин делает прополку поля у этой гробницы. К полудню дворянин на коне проходит мимо королевской гробницы в сопровождении слуг. Увидев это, крестьянин перестал прополку и, засучив рукава, с мотыгой в руке идет навстречу тому *янбану*. Слуги впереди громко кричат: «Дорогу! Дорогу!»

Что ни говори, крестьянин не обращает никакого внимания на это и гордой походкой вплотную подходит к дворянину. Чуть не сталкиваясь с ним и проходя мимо него, он косым взглядом сверлит лицо верхового. Неожиданная походка крестьянина совершенно растеряла *янбана*, который от удивления с побледневшим лицом только разинул рот и долго терял дар слов. Да и то сказать, когда проходит *янбан*, людям «низкого рода» было положено не только отойти с дороги, но и подождать, склонив голову до земли, пока он не пройдет.

– Какой нахал! Взять его. Живо!

Не успел он окрикнуть, как слуги захватили крестьянина в нескольких шагах вперед и привели этого «нахала» к *янбану*.

– Ах, ты мерзавец, откуда вышел на свет? Может, из щели камней-то?! Ни аза этикета не знаешь! – Покраснев лицом, как перцем, во все горло орет.

– Вы говорите, я не знаю этикета? А вы, почтеннейший *янбан*, это знаете? – ни чуть не страшась, крестьянин, наоборот, спокойным голосом переспрашивает.

– Что ты мелешь! Идти надменно прямо навстречу *янбану* и бросить косой взгляд на него – это приличие простонародья? – вне себя звереет дворянин.

– А проходить на коне перед гробницей первого короля – это, с позволения сказать, моральный этикет *янбана*?

– Гробница первого короля, говоришь-то? – лишь тогда оглядывается дворянин вокруг.

– Ну, посмотрите вы вон туда. Это гробница Тонмёна. Там покоится прах первого короля великого Когурё. Вы хуже насекомых и муравьишек. А вы сейчас твердите о каком-то этикете!

– Ах, какой злой язык у тебя! Я хуже насекомых и муравьишек, говоришь. Какой ты нахал! – *янбан* дрожит от гнева, слез с лошади и, готовый вот-вот расправиться с ним, яростно бросается на него.

– Какой ты поганыш! Повтори! Что, что?

– Ну скажите, какой этикет у вас, почтеннейший *янбан*, лучше, чем у насекомых и муравьишек? Даже они, эти мелкие существа, знают, что это гробница первого короля государства. И ни одно из них не смеет подлезть, а вы, *янбан*,

проезжаете мимо гробницы верхом. Что у вас лучше, чем у насекомых и муравьишек?

– ..? – молчит он, как будто брал в рот воду.

Оскорбление какое! И то со стороны простого, ничтожного крестьянина. Дворянин разъярился, как будто лопнут в нем кишки. Не нашлись те резкие слова, которые бы заткнули рот крестьянину. Он во избежание взгляда крестьянина обращает взор на гробницу короля Тонмёна. Он видит – поверхность гробницы покрыта густым слоем золотистого дерна, а стоящая рядом с ней беседка и надгробный памятник утопают в густых зарослях травы выше человеческого роста, вокруг них буйно растут сосны-великаны. В миг у него мелькнула мысль: «В таких зарослях даже тигрицы могут рожать детенышей. Под соснами, в слоях из хвои, как правило, обитают красные муравьи. А этот мужик говорит, что туда не подходят ни насекомые, ни муравьи. Чушь! Эту чепуху сорвал с языка умышленник, чтобы оскорбить *янбана*».

– Ты поганый какой! Разве на таком лугу, в таком сосновом бору нет ни насекомых, ни одного муравья? Если я сейчас там найду хоть одного муравья, то ты не избежишь четвертования! За глумление над *янбаном*, понял?

Но у мужика ни тени испуга и страха. Наоборот, он спокойно спрашивает его:

– Ладно. Но что с вами будет, если вы не поймаете ни одного?

– Я буду согласен с тобой. Я, *янбан*, буду считать себя хуже насекомых и муравья.

Тот сразу громко кричит слугам:

– Ловите по горсти насекомых и муравьев вокруг королевской гробницы.

Слуги долгое время обходили вокруг могилы, ничего не поймали. Им пришлось возвратиться обратно крайне усталыми, выбившись из сил.

– Эх вы, дураки какие! Не ловили в лесу ни насекомых, ни муравушку? Непонятно.

Озлобленный *янбан*, засучив рукава, пробивается сквозь густые заросли, изо всех сил раскапывает кучи из сосновой хвои. Развязан пучок волос на голове, разорваны подолы халата белого цвета, запачканы грязью, пролит пот струями. Искал и искал, но не нашлось ни тени насекомых и муравья.

– Какое это таинственное дело! – он, переутомленный, свалился наземь и с вздохом начал сетовать.

– Какое там таинственное? Дело простое: соблюдают приличия они, эти насекомые и муравьи. И не подходят к могиле, – говорит крестьянин.

*Янба*н не мог ни слова молвить и показал пятки. Было смешно, что слуги с конем без хозяина спешно следуют за удирающим.

Такие слухи облетели всю страну. И среди *янбанов* стало больше тех, которые посещают гробницу короля Тонмёна. Государство назначило чиновника по делам ухода за гробницей и направило его на места. В праздники снова проводились мероприятия по жертвоприношению.

И в наши дни возле гробницы короля Тонмёна не появляются насекомые и муравьи.

По преданиям, при перенесении столицы государства Когурё в Пхеньян переместилась и гробница короля Тонмёна. В то время пхеньянцы для бережного сохранения гробницы, говорят, выкопав землю вокруг нее, заполнили выемки свежей, чистой землей, выпаренной в *сиру* (большая керамическая посуда с отверстиями в дне, помещаемая в котел при варке риса на пару), высадили ядовитые травы, чтобы на территории с могилой не появились муравьи и всякие насекомые.

Змеи – стражи древних гробниц в горах Тэсон

Давным-давно в окрестностях гор Тэсон жил-был жадный богатей. Его жадность была так непомерна, что он ничем не брезговал, лишь бы обогащаться. Неудержимая алчность породила у него даже мысль о хищении драгоценностей, говорят, имеющихся в древних гробницах периода Когурё. На него не воздействует и народная мудрость: «Воруешь сокровища в древней гробнице – не избежишь божьей кары с истреблением всей семьи».

И однажды он вместе с несколькими слугами поднялся

на холмик со многими древними могилами периода Когурё. Вор обходит, обшаривая глазами и ту и другую могилы, и, наконец, подходит к одной из них, уединенно находящейся на краю холмика, где густые заросли сосен. Думал: она самая подходящая для тайной раскопки.

Подождав заката солнца, он велит слугам начать раскопку. Немного копали они – и видят на южной стороне выемки большие каменные двери. Богатей вместе со слугами открывает их и входит вовнутрь могилы. Там две камеры, сложенные из камней. Темно. Богач зажигает свечу и оглядывает все уголки. Ба! На влажных стенах – пятицветные картины. На фресках изображено многое: красивые феи спускаются и поднимаются на облаках; мужчины, верховые, состязаются по воинскому искусству, люди веселятся в праздники и так далее.

Боязнь и страх исчезли. Богатея, долго любовавшегося очаровательными рисунками, осенила мысль о драгоценностях. И он начал рыться во всех уголках. И, наконец, нашелся большой ящик в один обхват.

Жадный, оттолкнув в сторону слуг, осторожно открывает верхнюю крышку ящика и смотрит со свечей. Тот от неожиданной радости делает большие глаза: в ящике золотистые два больших меча-булата, между ними куча жемчужных драгоценностей. Жадный богач, опасаясь, как бы не хватил кто-нибудь другой ящик с драгоценностями, сразу закрывает крышку и завязывает его веревками. И велит

слугам вынести его на спине. Вернувшись домой, богач прячет ящик с кладом в глубокий уголок своей комнаты и не пускает никого туда. «Продам те два меча с золотыми украшениями – несомненно, стану самым богатым в Пхеньяне!» – эта мысль не дает ему, охваченному несказанной радостью, ночью ложиться спать.

Рассветает. Солнечные лучи освещают комнату. Ему не терпится еще раз посмотреть сокровища. Алчный богач запирает все двери, чтобы никто не вошел, и переносит ящик на середину комнаты и потихоньку открывает крышку. Что же это такое?! В ящике что-то движется. Видит – двигаются длинные цепочки из драгоценных камней, лежащие под двумя большими мечами. Вдруг вскочит что-то толстое, как рука, лоснящееся и крепко связывает руки богача, кусает все его тело. Насмерть испуганный, он, размахивая руками, силится бросить блестящие цепочки сокровищ, но они, как ни странно, не отрываются, а крепко связывают все тело. Перепуганный богач, упадая навзничь, мельком взглядывает на них – это не сверсток с сокровищами, а куча змей. «Боже мой, ой-ой!» – падает он в обморок.

Семья богача и его слуги, не знающие в чем дело, услышав неожиданные вопли, пинают двери комнаты и входят. Видят – на полу извиливаются хвостами крупных змей с лоснящимися чешуями. Тело хозяина дома, уже отравленное ядом, распухло досиня.

Еле-еле пришедший в себя бормочет с бреху:

– Унеси ящик! По местам!

Слуги собираются поднять ящик – змеи, извиливающиеся хвостами, все сами влезают в ящик.

Растерянные родные его семьи и слуги унесли ящик обратно в древнюю могилу и зарыли его, как прежде. Прошло несколько дней. Распухание тела богача спало, но он не мог встать. Болел долго и умер. В день его похорон все сельчане цокали языком: «Был жаден до наживы и, в конце концов, получил небесную кару», «Безнравственного наказали и предки, и небо».

После того, как ходили эти слухи, никто не смел повредить древней гробнице.

Таинственные ворота Потхон

Крепостные ворота Потхон были западным проходом Пхеньянской крепости. Среди корейцев они назывались по-разному. Не исключением явилось и название «ворота Син». Слово «Син» в переводе – «таинственные». Так начали называть с периода Имчжинской отечественной войны.

Одно время Пхеньянскую крепость временно захватили японские самураи. Однако корейские ополченцы, окружив крепость, то и дело налетали на захватчиков со всех сторон – с севера и юга, с востока и запада. Однажды главарь японских войск Юкинака Кониси в пожарном порядке вызвал в КП начальников гарнизонов, несущих службу у многих во-

рот крепости. Дело в том, что он видел причину массовой смерти своих солдат в неожиданности охранной службы у крепостных ворот. Тот, угрожающе размахивая в воздухе вынутой наголо шашкой, орет:

– С этого момента не дать корейским войскам и ополченцам доступ к крепостным воротам! Не выполнившего приказа убью этой шашкой! Запомни: плохой часовой ворот не сохранит свою шкуру.

Тут японский разводящий караульной будки у ворот Потхон, склонив голову ниц, умирающим голосом невнятно лепечет:

– Позвольте сказать, ворота Потхон странные: когда нужно закрыть, они не закрываются, когда надо открыть, они не открываются. Мне ничего другого не остается, как держать ворота в таком положении.

– Чепуху мелешь, мерзавец! Жалеешь своей шкуры? Кары избежать хочешь, а? Фи, какой противный! Открывать и закрывать ворота – воля твоя. А кто же снаружи может открыть запертые ворота, а? Такого быть не может!

Кониси, разъяренный, готов вот-вот шашкой рубить его шею.

– Нет, подождите, еще надо подумать. Ворота Потхон – это таинственные. Двигать их человеку не под силу. Думаю, их сторожит бог – плачевным голосом молвит японский разводящий, теребя обе руки.

– Ты, вижу, не признаешь себя трусливым. Ворота охра-

няет дух, говоришь? Ладно. Рубить твою шею – не так уж срочно. Покажу тебе, что эти ворота не под охраной духа. А затем шашка – на твою шею. Я пойду туда и попробую открывать и закрывать ворота, – тот вложил в ножны вынутую шашку.

Но и он там открывать, закрывать эти ворота не в силах. У япошек кончился запас продовольствия, солдатики щелкали зубами с голоду. Кониси велел открыть крепостные ворота и скосить недозрелый рис, чтобы утолить голод. А ворота, как твердая каменная стена, никак не открылись. Ничего не поделаешь. Пришлось пробить брешь в крепостной стене, через которую вышли самураи, но никто из них не мог вернуться. Япошки шушукали: «Бог-сторож ворот Потхон велел не открывать ворота. А они наперекор божьей воле вышли за крепость. И их постигла небесная кара».

Однажды самурайский главарь Кониси получил экстренное сообщение. О том, что корейские ополченцы продвигаются в сторону ворот Потхон. Он сам вместе с подобранными вояками-силачами пошел на ворота и крепко запер их. Однако, когда корейские ополченцы подняли возгласы «Ура!», ворота автоматически открылись настежь, как будто легкая бумага перевертывается, и они лавиной ринулись вовнутрь крепости. В тот день Кониси на коне обратился в бегство и, скрывшись в зарослях сопки Моран, чудом спас свою шкуру. Он, насмерть разъяренный, вопил: «Сжечь ворота Потхон!» Япошки принесли на спине ящики с порохом и, сложив их перед воротами, зажгли огонь. Но что это за диво! Только дыма полно в крепости, а у ворот Потхон ни одного пучка огня не было. Наоборот, красивые росписи на столбах и балках ворот еще ярче светились, озаренные лучами пламени в других местах. Став очевидцем этой магической диковины, Кониси, совсем ошеломленный, вошел в свой уголок и пал в обморок. Прошло несколько суток. Самурайский главарь еле-еле пришел в себя и позвал разводящего караульной будки у ворот Потхон. Начальнику караула думалось: «Видимо, час бит. Теперь мне наверняка конец», и он уже у дверей умоляющим голосом произнес:

– Ваше благородие! Вы же сказали: казнить меня будете, выяснив отсутствие бога-сторожа ворот Потхон?!

Кониси, не смев встать с места, то беря в руку рукоятку шашки, то выпуская ее из руки, озлобленным голосом орет:

– Ты, паршивец, все время плачевно сетуешь – ворота Потхон, дескать, таинственные, но не совершил обряд для предотвращения несчастья. И этого хватило бы, чтобы ты тысячу раз пошел на тот свет.

Разводящему в глазах потемнело, и он больше не мог оправдаться и склонил голову ниц.

– Ты, сукин сын, сегодня же узнавай, как совершается такой обряд. А то пощады не жди, понял?

Уходя от начальства, он лишь глубокой ночью успел привести старого корейца с седыми волосами. Перед главарем самураев старый мудрец, оглянувшись вокруг, гладит

по длинной бороде и начинает медленно говорить:

– Раньше у ворот Потхон не было злого духа. Как об этом говорит само их название Потхон («Обыкновенные»), эти ворота были необыкновенными. А они теперь выглядят таинственными. Почему? Потому что к ним прилип ваш японский злой дух. Этот зловещий дух смотрит на Корею свысока. А вас, соблазненных этим духом, судьба держит вас взаперти в Пхеньянской крепости. Впрочем, вы думаете, что крепость захвачена, и ворота Потхон выглядят вам таинственными. Образно говоря, сидящий за решеткой буянит – мол, двери тюрьмы не открываются свободно, как у себя дома.

Слушая строгие упреки старого мудреца, главарь противника и его холуи чувствуют, как холодеют у них сердца, как дрожат ноги и руки, парализуются все конечности тела. Они, вытаращивая глаза, лишь переглядываются друг на друга. Старик, как ни в чем не бывало, спокойным тоном говорит:

– Не стоит подготовить какие-то вещицы на жертвоприношение, чтобы удалить тот злой дух – предотвратить беды. Вам остается только одно: сегодня же ночью немедленно уйти из Пхеньянской крепости и возвратиться в свое логово. Иного выхода нет!

Закончив свое слово, старый мудрец медленно уходит за двери, развевая подол своего белого халата на ветру. Главарь противника и его приспешники, не зная, кто он – или простой кореец, или бог-дух, растерянно хлопают глазами и

долго глядят на уверенными шагами уходящего во тьме. Через долгое время Кониси, опомнившись, во все горло орет: «Взять его!» Однако все было напрасно – неизвестно, куда ушел старик. Еще больше озлобили главаря япошек слова старика: «Уйти скорее из Пхеньянской крепости!» Озверелый главарь самураев подбил подручных на риск, чтобы любой ценой оставаться в крепости.

Но дело пошло иначе. Спустя немного один из японских военачальников, считавшийся его правой рукой, убит от рук корейского полководца Ким Ын Со при помощи известной в Пхеньяне *кисэн* Ке Воль Хян.

В январе 1593 г. враги под напором атаки пхеньянских войск и жителей бежали на юг, оставив за собой груды трупов. С той поры корейцы, называя эти ворота «божественными», с гордостью передавали из уст в уста рассказ о ратных подвигах пхеньянских ополченцев.

Будто водой снесло остров Рынра

Этот остров на реке Тэдон, находящийся у крутого утеса Чхонрю и сопки Моран в Пхеньяне, славится своей красотой и вместе с тем помнит немало легенд, одна из которых ниже следует.

По преданиям, раньше остров был на середине реки Пирю в уезде Сончхон, в верховьях реки Тэдон. Плодородная земля на острове каждый год дарила богатый урожай пяти

видов злаков. И сюда переселились из окрестностей бедные крестьяне, здесь появилась большая деревня. На урожай обильный с вожделением смотрели местные *янбаны* (дворяне) – грабители, которые ободрали с них как липку – отняли все: и зерно, и фрукты, и овощи. Хлеборобам жить было тяжко. Из года в год ужесточалась эксплуатация под всякими предлогами, росло негодование крестьян к феодальным правителям.

Жесточайшим образом выжимал все соки из крестьян острова начальник уезда Сончхон второго ранга – некий Пак. Чтобы изъять на мерку зерна, на один фрукт больше, тот взял с собой подручных и грабил все у крестьян дочиста.

И жители острова молились – мол, «Тигр из яндокского или мэнсанского нагорья схватит бы его – Пака!» Говорили между собой: «Остров оторвался бы от уезда Сончхон». Негодование и желание достигли своего предела. Оттого ли небо делало свое. В каком-то году летом нагрянула неожиданная стихия: черные тучи обволакивали небо, затяжные дожди лили как из ведра. Река Пирю вышла из берегов. Бушующие потоки красно-коричневого цвета напоминали могучие морские волны. Весь остров зашевелился и стал плыть вниз по мощному течению реки. В кромешной тьме остров Рынра плыл, как дрейфующее судно при катастрофе. Он, наконец, остановился возле скалистого утеса Чхонрю, у подножия сопки Моран, посредине реки Тэдон.

Когда остров перестал двигаться, его жители оглянулись

вокруг, все обрадовались: «Бог нам помог! Мы живы!» Вначале, когда грянули наводнения, они встревожились: «Мы в когтях смерти». Но судьба улыбнулась: цел остров, они спасены из беды, а главное, избавлены от оков жестокого грабителя Сончхона, в один прекрасный день «переселились» в совершенно новый уголок. Они починили разрушенные ливнями дома, восстановили запавшие местами сельхозугодья и начали устраивать новую жизнь.

Но радость у них не длилась. Тот начальник уезда Сончхон, потерявший остров с тучным черноземом, разъярился, гнал волну, заставляя всех жителей уезда искать остров. Через больше года он понаслышке знал, что водой остров унесло под Пхеньянскую крепость, и, задыхаясь, прибежал в Пхеньян. Сразу по прибытии он стал настаивать: «Этот остров был в моем распоряжении. Его жители прописаны в моем уездном ведомстве». И стал вымогать недоплату налога. И на рынрасцев надеты новые петли эксплуатации сончхонским тираном. С той поры они страдали в несколько раз больше, чем прежде, – им приходилось перевозить до уезда Сончхон свою продукцию – зерновые, фрукты и овощи – либо на лодках, либо на телегах, либо на спине. Более того, за отсрочку уплаты налога, за малейшую порчу хлебов, фруктов и овощей они подвергались жестоким телесным наказаниям, независимо от каких бы то ни было обстоятельств. Год-два они все-таки вынесли тяжкие мучения, но больше не могли терпеть.

Они думали: «Что поможет нам хотя бы в какой-то мере в уменьшении таких жизненных тягот и мучений?» И решили обратиться к губернатору провинции Пхёнъан с письменной жалобой, в которой, в частности, говорится: «Остров Рынра раньше находился в уезде Сончхон, а в сезон затяжных дождей водой его снесло. И теперь он оказался на территории с Пхеньянской крепостью. Думаем, что остров должен быть в ведении Пхеньянского округа, а не уезда Сончхон. Мы надеемся, чтобы налог уплатили не управе далекого Сончхон, а Пхёнъанскому провинциальному ведомству».

Пхёнъанский губернатор, и без того зарившийся на плодородную землю острова Рынра, считав иск рынрасцев справедливым, немедленно послал начальнику уезда Сончхон письменную инструкцию о переводе острова в распоряжение Пхеньянского округа. Получив информацию, тот, не на шутку разгневанный, прибыл в Пхёнъанское провинциальное ведомство. Но он не мог наотрез отказаться от распоряжения губернатора, ибо перед ним – начальник выше по чину. В его душе бурлило недовольство, но для вида старался мягкими, «логическими» словами настаивать на том, что остров издавна принадлежит уезду Сончхон и, следовательно, недозволено передать его в распоряжение Пхеньянского округа.

Губернатор, понявший суть затаенной амбиции начальника уезда, со строгим взглядом четко объясняет:

– Ну, ладно! Не хочешь это делать – сегодня сейчас же перемести остров обратно в твой уезд. А то с завтрашнего дня эта земля станет частью Пхеньянского округа. Так и знай, больше не зарись на него!

Тот, разинув рот, не нашел ответа. Обидно было, что потерян остров. Но ничего не поделаешь! Лицо его побагровело, как красный перец. Он весь был в поте. Изощрялся в попытках добиться своего, но был вынужден вернуться восвояси. Итак, остров Рынра приписан к Пхеньянскому округу, налог и дань стало взимать Пхёъанское провинциальное ведомство.

Красивый Пхеньян

Небожитель на сопке Моран

Сопка Моран – самая высокая в горах Кымсу («Вышитые шелком»). Ее вид напоминает огромную цветочную почку, которая готова вот-вот распускаться. Издревле горка славится дремучим сосновым бором.

В незапамятные времена, по преданиям, на ее вершину, где птичьи трели, спускались с неба развлекаться не только феи, но и на облаках спускались и красавцы-небожители, которые в сосновом лесу с павильоном Чвэсын целый день гуляли и играли. Неведомо когда их интересовало житье-

бытье землеробов, и они, завидуя труженикам полей, часто вместе с ними проводили веселое время.

Однажды один из них слыхал, что дочь крестьянина, живущего у подножия сопки Моран, долго хворает из-за неизвестной болезни. Добрый парень из небесной страны взял с собой чудодейственные лекарства, которые применяют небожители. Бальзам устранил болезнь у крестьянской дочки, как сняло рукой. Она не только выздоровела, но и стала более красивой и здоровой, стала больше трудиться в земледелии. Небесный парень, влюбленный в нее, часто посещал ее дом. Порой несколько дней находясь в ее доме, вместе с ней обрабатывали поле, иногда вместе шли гулять на живописный павильон Чвэсын.

Частые их встречи привели в негодование Небесного царя, который пожурил небесного парня и не дал ему спуститься на человеческий мир. Но он не мог замкнуться в небесном мире, ибо он своими глазами видел прекрасную картину человеческого мира и сам осознал плодотворность и радость жизни людей, которые создают блага в труде. И он незаметно для других небожителей спустился с неба и пошел в ту крестьянскую избу у подножия сопки Моран.

Он просил крестьянина разрешить жениться на ней и вместе с ней заниматься земледелием. Он дал согласие и устроил свадебный обряд, дал молодоженам лодочку и сказал:

– Иди куда-нибудь в уголок на берегу реки Тэдон, что двоим нравится, живи вдвоем счастливо.

Молодая чета выбрала живописное местечко на берегу реки. Занималась земледелием и ловила на реке рыбу. У них родились миленькие дочка и сынок, семья жила долго-долго счастливой жизнью.

Скала Пучхэ

Постоишь на берегу реки Тэдон с видом на отмель Отхан – почувствуешь даже в летнюю жару необыкновенную прохладу.

На этом берегу летом прохладно, а зимой, к общему удивлению, чувствуется теплота, потому что теплый морской ветер, идущий с Западного моря Кореи, вытесняет континентальный мороз севера. Подобные явления природы в Пхеньяне родили легенду о чудесной скале Пучхэ (веер) у берега реки.

… В далекие времена на берегу с отмелью Отхан стояла огромная скала, что называлась Пучхэ, ибо, по преданиям, стучишь в эту скалу – из-под нее летом дует прохладный ветер, а зимой – теплый. Так делали на этом валуне и местные труженики полей, дровосеки и даже путники в летнюю липкую жару и в зимние морозы. Скала Пучхэ стала для них своего рода сокровищем, слыла волшебной в стране, стала такой знаменитой, что нет того, кто не знал бы о ней.

В каком-то году летом в Пхеньянскую крепость приехал новый наместник – пхёнъанский провинциальный губер-

натор.

Прежде чем осмотреть крепость-городок, он первым делом посетил эту чудесную скалу. Слухи ходили не ложные: чем больше стучишь в скалу – тем прохладнее был ветер. Наместник просто диву давался. Губернатора, человека жадного, обуревало желание быть хозяином чудодейственной скалы. Мелькнула мысль: «Пристрою к скале дом. Летом в комнату подует прохладный ветер, зимой – теплый. Лучшего дома не найдется на свете!» И тут он велел немедленно начать стройку.

Уже в первый день стройработы он явился на месте. Тот так рад и доволен, что будто видит дом уже готовый. Сам, как надзиратель, наблюдает, как закладывается фундамент дома.

А что же это такое?! Наемники кирками копают под скалой, чтобы положить краеугольный камень, – вдруг, откуда ни возьмись, громкий «Бух!» и на том месте скала приподнимается и из-под нее дует бурный ветер, разбрасывая камешки, землю и пыль. Ветер поднимает высоко в воздух и работающих, и губернатора. Все вокруг в стороны – во тьме: пыль да туман, которые до вечерней зорьки не рассеялись.

Только в следующий день утих бушующий ветер, рассеяны пыльные тучи. Ба! Под скалой зияет большая яма, в середине – отверстие с кухонную топку.

На ветру наместник полетел куда-то, упал наземь, сильно ранило его в спину. С того дня новоиспеченный губернатор

из-за острой боли ни разу не мог идти работать в контору. Пришлось вернуться в Хансон, скоро он пошел на тот свет. После этого скала, по преданиям, потеряла свою чудодейственную силу: как ни стучи – никакого ветра.

Тхальыу

Так называлась в старые времена дорожка под скалистым утесом Чхонрю. Тхальыу в переводе – «уголок, где прохожим от тепла приходится снять с себя рубашки даже в трескучие зимние морозы».

С какой поры этот уголок так начал называться, бог знает. Но, по преданиям, название это стало известным во времена государства Когурё после кладки стен Пхеньянской крепости.

… Давным-давно мужик по имени Тыльбо после завершения стройработ вернулся в свой родной край, недалекий от Пхеньяна. Гостили у него в доме много людей – и мужчины и женщины, и стар и млад. Их поинтересовала стена Пхеньянской крепости. Они расспрашивали у него и о том и о сем: о местном рельефе Пхеньяна, о масштабе и устройстве новой крепости, о житье-бытье пхеньянцев. Да и то сказать, сооружение большой крепости в недалеком Пхеньяне и развитие городка было для них безмерной радостью. А главное, старая мудрость гласит, что процветание страны, согласие и дружба простолюдинов зависят от геомантики, т. е. от

местного рельефа столицы.

Однажды вечером пришел к нему в гости богатый человек по имени Тхаксу. И начал расспрашивать о подробностях крепости. Хозяин дома рассказывал ему обо всем, о чем говорил другим. И вместе с тем он не забыл интересно, даже с жестами, добавить:

– Знаете, там есть Тхальыу – такой чудный уголок, где и в зимние морозы можно проходить без рубашки и пиджака.

– Слова твои все правдоподобные. Но Тхальыу-то верить не могу, – недоумевает богатый.

– Неправду я сказал? Я сам там клал камни стены. Знаете, сколько раз я ходил-прохаживал там?

– Вы, кладчики стены, несли на спине тяжелые камни и проливали пот. Вам, чай, было жарко, и приходилось снимать рубаху. Это от особого тепла? Ничего подобного! Не так ли, братцы?

Тот захохочет и обводит взглядом собиравшихся, словно стараясь получать их признание. И другие гости кивали головой, будто он прав. Словам хозяина все не верят, и ему было неловко. Ничего не поделаешь. Ему осталось только настаивать на своем: «Это факт!» Итак, рассказ о Пхеньянской крепости превратился в бесконечный спор между хозяином дома и гостями: «Есть Тхальыу в Пхеньяне!», «Не может такого!» Собиравшиеся были едины во мнениях: этот спор решится после пребывания в крепости-городке.

Спор кончился предложением богача Тхаксу:

– Давайте так. Я сам заеду в Пхеньян. Кстати сказать, посмотрю на стену крепости и заодно собственными глазами уточню, есть ли этакое Тхальыу. Пойдем с тобой на пари! Посмотрим, чья возьмет. Ты выиграешь – я дам тебе зерно на месяц, проиграешь – работай месяц у меня, конечно, бесплатно.

Они, договорившись, в день зимнего солнцестояния в 11-м месяце по лунному календарю тронулись в Пхеньянскую крепость. Самая холодная погода – стоял резкий мороз, замерзла вся река Тэдон. Путники натянули на лоб меховые шапки-ушанки, толсто надели куртки. Носки на вате да унты.

Богатый после любования Пхеньянской крепостью вместе со спутником направляется на то место – Тхальыу. И вот перед ними – дорожка под скалистым утесом Чхонрю на берегу реки Тэдон. Богач не мог не удивиться.

Будто в воду канул ледяной ветер, хлеставший в крепость. Лютый холод, которым обдало лицо, исчез, как сняло рукой, во всем теле чувствуется тепло, как в отопленной комнате. Богач, весь ошеломленный чудодейственным климатом, долго оглядывается вокруг – и вправо и влево. И он, наконец, понял волшебную силу климата в этой местности – утес Чхонрю ставит заслон от холодного ветра с севера и огромная скальная стена в форме полумесяца собирает теплые солнечные лучи, которые подогревают землю. Тот и раньше немало шагал в зимние дни, но такой путь у него был впервые. Лицо в поте, тепло и даже жарко. Мимо него проходили люди, положив снятые меховые шапки и куртки

на руки.

Но богатый, раз пошел на пари, не снял шапку и куртку. В теле стало нестерпимо жарко и душно, но старался до конца терпеть.

Его спутник, Тыльбо, человек не так уж здорового телосложения, не терпя жары, снял головной убор и куртку. Но богач с тучным туловищем упрямо не раздевался, хотя у него по лицу текли струйки пота и он сам задыхался от жары. С величайшим трудом мог пройти через Тхальыу и добраться до подножия горы.

– Дорожка Тхальыу кончается, – говорит ему спутник.

Терпеливый богач, наконец, выдыхает «Уф!» и, тяжело задыхаясь, бормочет:

– Ну-ка, чья взяла? Я или ты?

– Конечно, вы!

Так его спутник не мог не признать, что проиграл пари с упрямым и жадным богачом. Вернувшись в деревню, проигравшему с завтрашнего дня пришлось работать на богатого без оплаты труда, как они договорились. В следующий день он пошел работать в дом богача, но выигравший пари прикован к постели болезнью. И «наемному» пришлось вернуться в свой дом. Неизвестно, почему он вдруг заболел – то ли от нетерпимой жары, то ли от простуды. Так или иначе он не мог встать с постели более месяца.

Шли дни. Однажды проигравшего пари позвал к себе тот богач. К вечеру он пошел в дом хозяина богатой семьи. Там

уже было много приглашенных. Собравшиеся не знали, в чем дело. Их ждали всякие лакомства. Может быть, у него какое-то празднество? Гости шушукали: «Он больше месяца лежал в постели после возвращения из Пхеньянской крепости. Какое это неожиданное приглашение? То ли это от радости, что он выиграл пари, то ли от безумия? Черт его знает».

Заметив настроения собравшихся, богач раз-два делает сухой кашель и обращается к ним:

– Люди добрые! Недавно нам вместе с ним, Тыльбо, довелось осмотреть Пхеньянскую крепость. Как мы с вами слыхали, это местность с чудесным и, я бы сказал, волшебным рельефом. То же самое и с местечком Тхальыу. Там я убедился, что Пхеньянская крепость – центр всей нашей страны, где больше солнечных лучей. Такой Пхеньян – столица нашей страны. Суждено стране процветать, всем людям жить мирной, спокойной жизнью! Какое это счастье, какая это радость! На недавнем путешествии я, собственно, многое испытывал. Между прочим, ясно, что он, Тыльбо, выиграл пари. И я имею честь пригласить вас на это празднество.

Послушав его, гости кивали головой. И, будто вникнув в его душу, они говорили друг другу: «Пхеньян, право же, большой, впечатляющий. И ему, Тхаксу, такому упрямому, как осел, пришлось угощать нас». Молва об этом ходила по всему уезду, и названное выше волшебное место стало более широко известным.

Якорь в реке Тэдон

Вода реки Тэдон то прибавляется, то убавляется. На этом сказываются прилив и отлив Западного моря. Раньше эта река, как неукротимый зверь, причиняла пхеньянцам немало бедствий. В сезон затяжных дождей во время прилива морской воды река вышла из берегов, и бушующие волны желтого цвета плескались о Пхеньянскую крепость и вмиг проглотили все. Капризы реки Тэдон родили много легенд, одна из которых ниже следует.

… Издревле люди сравнивали Пхеньянскую крепость с огромным судном. В этом есть свой резон: длина крепости с севера на юг большая, ширина с востока на запад узка; крепость омывается с четырех сторон реками; на севере – Хапчжан, на юго-востоке – Тэдон, на западе – Потхон, на юге – слияние рек Потхон и Тэдон. Короче говоря, крепость напоминает большое судно.

Неизвестно когда, но пхеньянцы, по преданиям, изготовили большой якорь и бросили его в реку Тэдон, чтобы половодье не унесло Пхеньян к морю. Этот якорь впервые был известен всем, говорят, в дни Имчжинской отечественной войны, когда Пхеньянская крепость временно была взята японскими самураями. В то время корейские войска применили тактику: «ничего не оставить на поле для врага и отступить». Япошки – и командиры, и солдаты – с первого дня

взятия крепости испытывали голод. Голод не тетка: они рыскали, как голодные волки, во всех уголках крепости в поисках пищепродуктов. У япошек не было другого выхода, кроме как ловить рыбу на реке Тэдон, чтобы утолить голод. Япошки собрали все рыболовецкие суда в крепости, все пошли на ловлю рыбы.

Однажды самураи в глубокой воде реки нашли большой якорь, что видели впервые, и вытащили его из воды. Высота его – более 20 *ча* (мера длины, 1 *ча* – около 30,3 см), толщина – около 1 *ча*. Форма: внизу – три лапы, сверху – круглое кольцо. Япошки подняли восторженные возгласы: «Нашлось на редкость ценнейшее на свете сокровище!», и привезли этот огромный якорь в свой военный лагерь в крепости.

Узнав об этом, старики и дети, не эвакуированные и оставшиеся в крепости, взяв орудие, то, что попало в руки, лавиной ринулись в японские казармы и грозно кричали:

– Якорь оставить на том месте! Что вы наделали! Бросите этот якорь обратно в реку. Немедленно! А то вся Пхеньянская крепость утонет в воду или унесется в море. Жить надоело? Хотите утонуть?!

Япошки, совсем растерянные и перепуганные грозными протестами пхеньянцев, узнав, наконец-то, об истории этого якоря, обратно перевезли и погрузили его в воду реки Тэдон.

Скалистый утес Чхонрю

Этот крутой обрыв, на котором стоит беседка Пубёк, по преданиям, образован внезапно в далекие времена.

… Давным-давно в деревушке у берега реки Тэдон жил-был крестьянин по фамилии Сор – человек доброй души и трудолюбия. Но больше всех постоянно беспокоило его только одно – наводнение. Порой река Тэдон выходила из берегов и затопляла деревни.

Однажды опять нагрянули большое наводнение, которое бросило большущего карпа на сушу – берег реки. Добрый хлебороб взял его и выпустил обратно в реку.

После наводнения он на скорую руку починил рухнувшую избушку, разбил палаточку, где лег спать. Глубокая ночь. Сор не раз слышится – его зовет кто-то. Проснулся – и видит: откуда ни возьмись, перед ним явился какой-то мальчик.

Малыш первым говорит хозяину дома, который от удивления только хлопает глазами:

– Здравствуйте, наш морской царь ждет вас. Пойдем со мной.

Недоумевающий крестьянин следует за малышом. И вдруг река Тэдон делится надвое и открывается широкая дорога к дворцу морского царя. Двое входят во дворец. Гостя ждет морской царь в большом банкетном зале. Радушно принимая гостя, он говорит:

– Вы спасли нашего сынка. Скажите, чего вы хотите. Все будет удовлетворено.

– Во время наводнения река Тэдон выходит из берегов. И у нас в деревне бывает немало ущерба.

Морской царь, послушав все, щедро угощал гостя и вернул его в деревню.

Возвращается он домой – и вдруг ливень, гроза. Видит – высится крутой обрыв как защитная ширма, закрывает водный путь на реке. Так, по преданиям, образовался утес Чхонрю.

Патриотический дух пхеньянцев

Цветник у Южных ворот Тэсонсанской крепости

По легенде, одно время в государстве Когурё был мастер дипломатии Ким Гвэ, о котором, конечно, нет исторических записей.

На севере Когурё граничило с многими странами. И, естественно, учащались вторжения иноземных агрессоров, конфликты и столкновения. При каждом возникновении инцидента Ким Гвэ слаженно решал какие бы то ни было сложные, трудные вопросы. И он давно слыл способным

дипломатом.

С годами он старился. И государство, чтобы продолжалось его дело, подобрало молодого чиновника и дало ему задание учиться опыту талантливого дипломата.

И молодой ученик неотступно сопровождает его и внимательно следит за каждым его поступком. Но у опытного дипломата не видно ни особенного, ни отличительного, не видно ни внушительного, ни осанистого вида. Человек обыкновенный, простой, как и другие. Не видно ни тени какой-то строгости, грозности, резкости. Доброта и простота такая же, как у старого соседа. Между прочим, он ни разу не провел ночь напролет, чтобы заранее наметить дипломатические направления или найти какие-то логически стройные лексиконы для полемики с иностранными дипломатами на переговорах. Но раз начинается словесная война с ними, на его лице то дает о себе знать строгость и даже сердитость, то светится доброта и нежность. На переговорах он согнул в бараний рог иностранных дипломатов, которые только разводили руками.

Его отличило от других чиновников то, что он очень любил цветы. Другие чиновники-дипломаты возвращались из других стран, как обычно, с повозками, нагруженными вещами и вещичками, чем обогащали свое семейное добро, раздавали их в подарок родственникам и друзьям. Но у него, Ким Гвэ, кладь была очень простая – всего лишь одно-два цветковых растения. Их сажал он не в саду своего дома или

на усадьбе казенного ведомства, а вокруг Южных ворот Тэсонсанской крепости. Среди саженцев редко были, конечно, те, которые не прижились и погибали, но большинство из них буйно росло и ежегодно красиво расцветало, умножая красоту природы вокруг крепости.

Кое-кто из чиновников языком трепал: «Вишь, он ведет себя не так, как подобает видному дипломату страны. Как бабенка, видит цветы – не владеет собой».

Однажды молодой чиновник видит, как сажает Ким цветы на просторе перед воротами крепости, и обращается к нему:

– Позвольте спросить, зачем вы так трудитесь? Вам какая польза?

– Какая там польза! Знаешь, в нашей крепости, вижу, нет таких цветов, какие растут в других странах. Эта мысль не дает мне покоя. И я сажаю эти цветы.

– Такая мысль вас беспокоит?

– Да, я не желаю, чтобы наша Пхеньянская крепость уступала столицам других стран. Совесть не позволяет, чтобы у нас хоть бы на один цветок было меньше и хуже, чем у других…

Молодой чиновник, чья мысль пока еще коротка, пропустил мимо ушей слова старого Кима и думал, что у него просто странная склонность в быту. Итак, молодой человек не мог освоить «особые секреты» дипломатии, хотя ему было досадно.

Шли годы. И внезапно ушел из жизни старый дипломат. Прах покойного похоронили по его заветам на холмике перед Южными воротами.

Немного погодя после его смерти на северной окраине опять вспыхнули пограничные скандалы. Государство решило послать на переговоры того молодого чиновника для урегулирования конфликтов.

В день отъезда посланника король сказал ему:

– Думаю, за это время ты полностью перенял от Ким Гвэ дипломатические умения. Надеюсь, чтобы в этот раз ты, как он, безупречно, успешно решив вопросы дипломатии, вернулся.

Молодой дипломат не знал, как ответить, но перед королем не мог оправдать свою незрелость и просто поклялся решить проблему как следует.

Его терзала мысль: каким образом в бараний рог скрутить партнеров по переговорам, как это делал Ким Гвэ? Его все брала бесконечная тоска о старом дипломате.

Накануне дня его встречи с иностранным представителем. Течет глубокая ночь – и перед его глазами живо встает поле красивых цветов перед Южными воротами Тэсонсанской крепости, которое словно приветливо, любезно провожало уходящего в далекий путь. И вдруг ему вспомнилось то, что сказал старый наставник, сажая те цветы: «… Я не желаю, чтобы наша Пхеньянская крепость уступала столицам других стран. Совесть не позволяет, чтобы у нас хоть бы

на один цветок было меньше и хуже, чем у других…» Повторяя эти слова про себя, молодой чиновник, бья себе по колену, вскочил с места. «Вот это да! Секрет – в его душе. В чувстве того, кто не желал, чтобы Пхеньянская крепость уступала столицам других стран! В убеждении, что наша страна никогда не может допускать презрения и оскорбления со стороны любых чужих стран! В такой его духовной убежденности – исток дипломатического таланта Ким Гвэ!» – так кричит сердце молодого дипломата, который с хлынувшим волнением говорил про себя, прохаживаясь по комнате.

В следующий день на встречу с посланником соседней страны уверенно пошел он, полный чувства горячей любви к своей Родине Когурё и столице Пхеньяну, любви, что жарче пламени. Он немедля и резко осудил неоправданные акции другой стороны – провокатора частых пограничных конфликтов. Партнер переговорного процесса тщетно пытался одним-двумя словечками оправдать свои деяния, но вдруг держал язык за зубами и через минуту, признав свою вину, просил извинения. Тот дал обещание больше не повторять подобного на границе.

Молодой чиновник Когурё с торжеством вернулся с переговоров. Король высоко оценил его заслуги.

– Молодец! Думаю, ты талант дипломатии. Достойный наследник Ким Гвэ, что является гордостью Когурё!

– Позвольте сказать, Ваше Величество, я, собственно, не

научился у него дипломатическому искусству, а познал душу моего наставника, который любил, берег свою Родину, наш Пхеньян, – говорит он с поднятой головой.

Затем он доложил королю, как работал старый дипломат, как сажал сам цветы у ворот крепости. Послушав его, король и сановники, восхищенные, кивали головой и в один голос говорили:

– Значит, его непревзойденные дипломатические умения исходили не из его тактической находчивости и дара слов, а из чувства любви к Отчизне и столице…

Узнав об этом, жители Пхеньяна и его окрестностей бережно ухаживали за цветами на поляне у Южных ворот, посаженными при жизни патриотом Ким Гвэ, обсажали его могилу буйно растущими ослинниками. После этого у подножия гор Тэсон расцветали цветы ослинников.

Не говоря уж о посланниках, идущих в другие страны для решения дипломатических проблем, военачальники и рядовые воины, уходящие из Тэсонсанской крепости на поле боя с иноземными захватчиками, свято хранили в глубине сердца рассказ про расцветающие цветы в крепости и всегда побеждали в боях с врагами, прославляя честь и достоинство Когурё.

Девушка и слива

Жила-была в поселке Кёнсангор девушка доброй души

вместе со своим отцом. Ее звали Лёок. Она очень любила цветы, особенно цветок сливы. Девушка и ее отец пересаживали во дворе дома саженцы разнообразных красивых цветов и бережно ухаживали за ними: по сезонам удобрили их навозом, выдергивали сорняки. И весной их небольшая избушка вся утопает в цветах. Они сажали цветы не только у себя дома, но и во многих местах Пхеньяна, особенно на сопке Моран.

Но в каком-то году ведомство издавало приказ – рубить все сливы во всех горах, во всех дворах страны и впредь простому народу ни в коем случае нельзя сажать эти цветы. Приказ был совершенно нелепым: вид сливного цветка похож на цветочный узор, символизирующий королевские семьи, так что выращивать эти цветы в поселениях простолюдинов – это, мол, довольно недостойное поведение, игнорирующее сословное различие между королем и простолюдинами.

Итак, во всех районах страны поднялась беспрецедентная шумиха – рубить эти деревья. И в Пхеньяне канцеляристы и чиновники ведомства уголовной полиции, вооруженные серпами и топорами, везде и всюду начали рубить все сливы. Найдется в чьей-то избе хоть одна слива – нахалы бьют палкой по хозяину, штрафуют.

Абсурдная идея упрямых *янбанов* (дворяне), аристократов породила подобное бесчинство в Пхеньянской крепости, и красивое «лицо» пхеньянской земли сильно ранено мра-

кобесами. Суждено исчезать в Пхеньяне красивой сливе, такой прелестной и опрятной. Больше всех душой болели Лёок и ее отец.

«Нельзя сидеть сложа руки! А то совсем исчезнет слива!» – боль в сердце так остра, что его режут ножом. Равнодушными созерцателями быть нельзя – так решила Лёок. Она, посоветовавшись с отцом, тайком пересадила одну сливу в глубине уединенного уголка заднего двора.

Через несколько дней ворвались нахалы в ее дом, растоптали все цветы, рыскали и, наконец, им в глаза бросалась слива, стоящая в заднем дворе.

– Ты, паршивец какой! И приказа короля не исполняешь. Думаешь, с рук сойдешь? Тебя надо бить батогами пятьдесят раз! Боишься – сам руби деревцо. Живо! – орут они и собираются бить палкой.

В ту минуту отцу жалко дочки, которая, наверное, горько плачет в комнате. Ему в глазах потемнело при мысли: «Рубить сливу все равно что рубить тело любимой доченьки». Открывая глаза, хозяин дома спокойным голосом говорит:

– Позвольте сказать-с, это не слива, это абрикос. Думаю, вы ошиблись.

Чиновники, оторопевшие от неожиданности, переглядывались друг с другом. Да и то сказать, все они, как говорится, собаку съели в отнятии чужого добра и наказании невинных простолюдинов, но были невежественными в цветах. К слову сказать, многолетняя слива в чем-то похожа

на абрикос. Да и в сугробах отличать их друг от друга трудно, если не разглядеть в оба глаза. После минутного молчания один из пришельцев, размахивав шестигранной дубиной, угрожающе спрашивает хозяина:

– Ну а, скажи: чем ты докажешь, что это абрикос?

Тут выходит из комнаты девушка, насмерть обеспокоенная и не находившая себе места, четко и ясно отвечает вместо отца:

– Это очень простая вещь. Весной все вы узнаете. Цветок сливы – белый, а абрикосовый – светло-розовый. Тогда все станет яснее ясного.

Те проглотили язык. Обиженные и разъяренные, они бросили:

– Ну ладно! Посмотрим весною. Будет цветок белого цвета – тебя и твоего батьку четвертовать будем. Так и знай!

Ушли нахалы. Девушка, дрожа плечами, бросилась к отцу и зарыдала.

– Молодец, доченька моя! Не плачь. К твоей доброй душе и небо, думаю, не будет равнодушным, – тихо говорит отец, нежно поглаживая по дрожащим плечам дочери.

Прошла зима, наконец, весна теплая брала свое. По синеве неба разносятся птичьи трели, ласково журчат ручейки, на ветвях цветковых деревьев появляются головки побегов зеленоватого цвета. С днями на ветвях разбухают бутончики. Но дар природы все беспокоил девушку. В глазах темнеет. Каждый день девушка, беря ветки сливы в заднем

дворе, давал волю слезам.

– Ты слива милая. Знаешь душу мою. Сделай милость, дай не белый, а розовый цветок. А то тебе и нам с папой покинуть этот свет суждено!

Утром следующего дня, наконец, бутоны сливы распустились.

Боже мой! Что это за диво! На ветвях – цветы не белые, а ярко-розовые, красивые! Это во сне или наяву?! Девушка радостно кричит:

– Папа, посмотри! На сливе розовые цветки!

– Вижу, вижу! Цветки как абрикосовые! – от радости отец не находит себе места.

Утром следующего дня в избу ворвались чиновники и видят – на сливе розовые цветы. Они, словно проглотив горькую пилюлю, ушли.

– Папа, что это же такое?!

– Народная мудрость гласит: «Если постараться, то и на камне зацветут цветы». Ты так любила, берегла цветы, душу твою, искренность твою, чай, и небо знает.

С того дня девушка делала все, чтобы ухаживать за сливой. Каждый год собирала семена, вырезывала часть корней, сажала их вокруг дома, на сопке Моран. Ныне стоящие на этой горке сливы, по преданиям, уходят своими корнями в сливу, защищенную девушкой Лёок.

Богатырь Ыльмир и беседка Ыльмир

Беседка эта построена как северный КП при сложении когурёсцами Пхеньянской крепости. Памятник передает следующую легенду.

Давным-давно у подножия сопки Моран жил-был богатырь по имени Ыльмир. Любимец пхеньянцев снискал всеобщее уважение своими ратными подвигами, совершенными в боях с иноземными захватчиками, то и дело набегающими с притязанием на плодотворную землю прекрасного Пхеньяна.

Прошли многие годы. Незаметно тронулись сединою волосы богатыря, который одно время помчался по горам и полям Востока. И он начал обучать своего сына Нарэ и других молодых людей воинскому искусству. Дело пошло не как положено. Однажды богатырь, посоветовавшись с людьми Пхеньянской крепости, решил направить молодых учеников к другому старому коллеге в отдаленные горы со сроком обучения на три года с тремя месяцами.

При уходе из дому Нарэ попросил любимую девушку Коби хорошенько заботиться о его отце.

Прошло два года после того, как ушел парень. Внезапно ринулись чужеземцы на Пхеньянскую крепость. Ыльмир уже на закате лет, руки и ноги так уж не слушались. Но он с войском смело пошел в бой за защиту крепости. Бой был

неравным.

В то время девушка Коби в мужской одежде воевала возле богатыря Ыльмир. Бой был жестоким, и девушка, топая ногами, как дети, не раз просила богатыря позвать молодых, которые ушли овладеть воинским мастерством. То же самое предложили и другие, когда боевая обстановка стала критической.

Ыльмир после глубокого раздумья говорит: «Негоже нам бросить большой замысел во избежание мгновенной опасности. Больше дорожить Отчизной и народом, чем собственной жизнью, – такова душа у нас, когурёсцев. Желающие спокойствия Отчизны и потомков, за мной вперед!»

Он, хотя человек уже старый, с отрядом ворвался во вражеский стан на коне с шашкой наголо, скосил врагов, как камыши. Вдохновленные его отвагой, все защитники Пхеньянской крепости смело пошли в бой с иноземными захватчиками.

Но тут была беда: он тяжело ранен вражеской стрелой из лука. Через лазутчика иноземцы узнали, что Ыльмир прикован к постели. Враги, чтобы не упустить шанс, приведя в порядок свой отряд, снова начали атаку в Пхеньянскую крепость.

Пхеньянцы зажгли сигнальный факел и вместе с тем доложили Ыльмиру о вражеском нашествии. Больной тут же встал с постели и в шлеме и доспехах поднялся на паланкине на КП сопки Моран. Он разместил войско с учетом горного рельефа и приказал пойти в решительный бой. Все люди

крепости, мужчины и женщины, стар и млад, бесстрашно сражались – стреляли из лука, скатили скалы. Непредвиденная ситуация – высокий боевой дух пхеньянцев и появление на КП Ыльмира – загнала врагов в растерянность, но они лезли из кожи вон, чтобы любой ценой взять Пхеньянскую крепость.

Жаркие бои завязались и в ущельях сопки Моран, и на Потхонской равнине. Однажды Ыльмир на портшезе обходил и наблюдал за полем боя. Его сопровождала Коби. Однако тут нагрянула полная неожиданность: на него налетела вражеская засада, затаившаяся возле КП. Он смертельно ранен вражеским мечом. Коби и другие когурёские воины сразили врагов, бросившихся на них спереди и сзади, но он, тяжелораненый, потерял сознание. Прибежали люди и отчаянным голосом звали богатыря, но ответа не последовало.

Крайне опасная ситуация заставила Коби пойти к молодым, которые ушли овладеть воинским мастерством. День и ночь мчалась на коне и, наконец, успела прийти к молодым воинам. Как раз в то время они сдавали последние экзамены в присутствии старого наставника. Все они, проливая немало пота, настойчиво старались освоить секреты воинского искусства, чтобы оправдать ожидания земляков. Данная им оценка «отлично» обрадовала старого наставника. В минуты, когда раздаются радостные голоса молодых, прибыла Коби и, задыхаясь, сообщила им о том, что Пхеньян в опасности, затем потеряла сознание.

Получив экстренную информацию, Нарэ и другие молодые пхеньянцы тут же в доспехах помчались верхом. На рассвете следующего дня они прибыли в Пхеньян. Устремили взоры к богатырскому КП и успокоились: на нем на ветру реет полководческий стяг, сверкают копья и мечи, хотя враги пока еще не ушли.

– Коби, смотри! Жив наш вожак Ыльмир! Смотри вон знамя!

Вдохновленные этим, Нарэ вместе с другими молодыми скосили врагов. Полностью отбив наскоки чужеземцев, они, победоносно, с громким боем в барабан поднялись на сопку Моран. В КП они перед богатырем Ыльмиром, преклонив колени, делали глубокий поклон. Нарэ сказал:

– Отец, мы вернулись, свершив желание пхеньянцев!

Ждал слов отца, но ответа не последовало. Молодых взяло зловещее предчувствие, и они, подняв головы, обратили взоры на него. Бескровное, бледное лицо, закрытые глаза – он уже не человек белого света. Сын и другие молодые растерянными глазами долго смотрят на богатыря. Какой-то старик делает один шаг вперед и, глотая слезы, говорит:

– Богатырь Ыльмир уже два дня назад ушел из жизни. В смертный час завещал ставить прах здесь, пока не уйдут чужеземцы... – хныкая, он не мог докончить.

– Батька!

Молодые и другие пхеньянцы хриплым голосом звали и

звали его, твердо клялись продолжать его дело.

С той поры росли сотни, тысячи отважных Ыльмиров, которые надежно защищали крепость от всех захватчиков. Чтобы увековечить ратные подвиги Ыльмира, пхеньянцы воздвигли на его КП беседку с названием Ыльмир.

Отмель Пэкын

«Пэкын» в переводе – «бело-серебристый». Отмель с таким названием раньше была между островами Рынра и Панвор. Сейчас два острова соединены песчаной полосой, а в далекие времена находился отдельно островок Панвор («Полумесяц»).

В те годы под этой отмелью лежала скала белого цвета. Текущая по скале вода была так красива и прозрачна, как будто катятся бисеринки.

... Давным-давно на вершине сопки Моран был большой, величавый на вид колокол из серебра с красивыми узорами. Когда и кем отлит этот чудесный колокол, неизвестно. Однако он считался единственным сокровищем Пхеньянской крепости.

По преданиям, когда чужеземные захватчики подходят к крепости, этот колокол сам своими звуками предупредил людей о нагрянувшей опасности. И когда в стране отмечаются радостные торжества, он тоже сообщал об этом.

Колокольные звуки, плавные и приятные на слух, при-

носили людям радость и восторг. Слухи о необыкновенном колоколе широко ходили, не говоря уж в Корее, даже и в соседних странах. Чтобы только любоваться им, приходили люди из далекой местности за сотни *ли*. И посланцы из соседних стран, бывая в Пхеньянской крепости, как правило, поднялись на сопку Моран посмотреть этот колокол. Какие-то страны притязали на этот колокол, вызывающий восторг и зависть у многих. Так, одна страна предложила заменить его на большое количество сокровищ, другая делала даже гнусную попытку захватить его, подняв на ноги войска.

Люди Пхеньянской крепости, посоветовавшись между собой, решили спрятать серебряный колокол под водой реки Тэдон у утеса Чхонрю, затем, сорвав гнусные притязания иноземных захватчиков на него и укрепив оборону Пхеньянской крепости, снова перенести его на вершину сопки Моран.

Однажды случилась беда – колокол пропал неведомо куда. Пхеньянцы, крайне удивленные потерей сокровища государства, прочесали дно реки Тэдон. Случайно они увидели, как огромный дракон черного цвета, взяв в рот колокол в водоеме под валуном перед павильоном Рёнгван, идет вниз по течению реки Тэдон. Тот дракон обитает на середине Западного моря.

Пхеньянцы сражались с драконом, чтобы отнять серебряный колокол. Кидали копья и мечи, но дракон ни чуть не дрогнул. Люди били в барабан и гонг, громко кричали, с риском для собственной жизни бились с драконом, ударяя по

нему. Чудовище, издавая странные звуки и извиваясь всем телом, еще быстрее устремился к западу с колоколом в пасти. Некоторые старики и женщины громко рыдали, бья кулаком по земле, – говорили: навсегда будет отнят чудесный колокол, охраняемый из поколения в поколение.

В ту минуту произошло чудо: с верхней стороны реки Тэдон, рассекая волны, бросается на него огромный другой дракон красного цвета величиной с большой дом. Завязалась схватка двух драконов. Вмиг на реке поднялись белые водяные брызги, как туманная мгла. Пхеньянцы помогали красному дракону. Ужасная схватка продолжалась три дня. Наконец, в последний день красный дракон взмыл из воды и разгрыз выбившегося из сил черного. Последний, харкая кровью, уносился на волнах реки. Победивший красный, взяв в рот тот колокол, нес его в прежнее место.

В тот день, пхеньянцы, охваченные радостью, устроили у пруда Чуам большой банкет в честь подвига красного дракона, вернувшего им серебряный колокол. Они хранили его, как раньше, под водой реки Тэдон у утеса Чхонрю и поручили его охрану красному дракону. Итак, тот колокол, сокровище Пхеньянской крепости, стал вечным достоянием пхеньянцев.

Позже с течением времени колокол, по преданиям, превратился в скалу белого цвета и под водой на участке между островами Рынра и Панвор, стал излучаться.

Сосны у беседки Ыльмир

В числе храбрых защитников Пхеньянской крепости во время Имчжинской отечественной войны был молодой воин Чвэ Чхиль Сон, который жил у крепостных ворот Потхон.

Все труднее стали бои с японскими самураями. Он, обеспокоенный судьбой старого отца, однажды выкроил время побывать в родном доме. Сын говорит отцу:

– Бой с япошками может быть и внутри крепости. И тебе, батя, надо бы уходить в безопасное место.

Послушав сына, старый Чвэ осыпает его жестокими упреками:

– Ты что, хочешь дать япошкам ворваться в крепость?! Ты же солдат Пхеньяна! Любой ценой надо отбить их наскоки. А ты с самого начала думаешь пятиться?!

После ухода сына старый Чвэ погрузился в раздумье: «Говорят, рвутся самураи в Пхеньянскую крепость. Хотя я стар, сидеть сложа руки не следует». И он пошел к соседу – старому ровеснику по фамилии Пак.

– Слушай, дружок. Теперь крепость в опасности. А мы, не зная этого, все время отсиживаемся в четырех стенах комнаты. Как мне и тебе нестыдно! Пойдем в крепость. Живо!

Два старика в будни еле-еле переступали через порог, а теперь они вышли из дому. У каждого в одной руке трость, а в другой – топор. Они, поднявшись на возвышенность Мансу, обращают взоры в сторону сопки Моран. Видят – там, в ущелье, уже полно людей в белой одежде – пришли они, жители крепости, воевать с самураями. Местами дымится – может, в больших котлах варят что-то для воинов, женщины ходят с кувшинами на голове, старики и детишки вместе с воинами несут камни на позиции с крепостной стеной.

Старики Чвэ и Пак поспешно взбирались к крепостной стене сопки Моран – им казалось, что у них не будет места в бою. Как раз их застал командир отряда ополченцев Ко Он Бэк, который спускался после проверки боеподготовки солдат и жителей.

– Куда путь держите, вы, люди старого возраста?

Они, с трудом переводя дыхание, говорят:

– И мы пришли биться с япошками. Прошу, дайте нам копье или меч.

– Спасибо, я тронут вашей преданностью Родине. Но как же воевать вам, людям старого возраста? Вражеские стрелы налетят на вас, прежде чем стреляете.

– Я дожил до седых волос. Не жалко умереть от вражеской стрелы. Хоть умру, но, значит, своим телом отниму у врага одну стрелу. Не так ли?

– Своим телом отнять одну стрелу, говорите?! – хохотал командир. – Тогда воины наши будут о вас беспокоиться. Это будет мешать им скорее кончить бой. Умоляю, не поднимайтесь.

Командир и так и сяк уговаривал их, но это не воздейст-

вовало на них. И он велел воинам помочь им благополучно возвратиться домой. Ничего не поделаешь. Возвращаясь, они валились с ног и бессильно опустились на лужайку, чтобы отдохнуть. Перед их глазами местами зеленеют сосенки на сопке Моран.

– Как хорошо бы, эти сосенки все стали бы нашими воинами! – обронил Пак после минутного раздумья.

Задумчиво послушав друга, Чвэ вдруг бьет ему по колену и говорит:

– Слушай, дружок, у меня такая идея: надеть вот эти маленькие сосенки в одежду подобно чучелам. Чтобы врагам они показались нашими воинами? Как, по-твоему?

– Хорошая мысль! Тогда враги примут эти сосенки за воинов, пустят стрелы. Так растрат у них будет уйма.

– И еще: они, наверное, недооценят нас за малочисленность войск.

Мнения у них совпали. Они высказали командиру Ко Он Бэку свою мысль. Послушав их, он тут же велел некоторым воинам и гражданам войти в крепость-городок за поношенными одеждами. В ту ночь они надели в одежды кусты сосенок на обширном склоне под беседкой Ыльмир, чтобы они хорошо виделись врагам. И чучела показались многочисленными войсками, обороняющими рубежи сопки. Затем они собрали стебли пуэрарии и местами связали чучела друг с другом. Тянули веревку, привязанную к концу плети, – и качающиеся чучела выглядели движущимися боевиками. До

рассвета продолжалась эта работа. Создалась видимость, что «войска» сосредоточены возле беседки Ыльмир для защиты крепости.

Следующий день. Рассвет. Япошки, находящиеся за рекой, видят – скопления огромных полчищ войск у подножия сопки с беседкой Ыльмир, и с отчаянными криками яростно начали стрелять из фитильного ружья и лука. Корейские «войска» оставались непоколебимыми. Озлобленный противник попеременно по сотням вояк два дня устраивал шумные скандалы.

Ни одна из сосен у беседки Ыльмир не осталась целой и невредимой: ветки сломаны, кора содрана. Но эти сосны «отняли» у противника больше половины запаса пуль и стрел, сделав солидный вклад в отражение вражеской атаки.

Очистив страну от самураев, старики и молодые люди поселка ежегодно весной и осенью, как правило, поднимались на сопку Моран с беседкой Ыльмир, бережно ухаживали за соснами.

Отмель Вансон

На северном крае острова Рынра увидишь речной отмель, именуемый Вансон. Почему он так называется, рассказывает следующая легенда.

…В далекие времена с юга нападали самураи на Пхень-

ян. Черные орды агрессоров, покрывая всю Тондэвонскую равнину, внезапно ринулись на Пхеньянскую крепость. Жители на некоторое время растерялись. Чтобы одним махом захватить Пхеньянскую крепость, захватчики уже собирались переправиться через реку.

В тот момент вдруг, откуда ни возьмись, появились черные тучи и заволокли небо. Лил дождь как из ведра. Река Тэдон мигом разбухла, и япошкам не удалось перейти через реку.

– Вот это да! Небо нам помогает! – восклицали пхеньянцы.

Река закрыла самураям путь. Пользуясь случаем, они поспешили с подготовкой к бою – укрепили крепостную стену, ковали копье и меч, запаслись провиантом. Наводнение дало им возможность закончить всю подготовку к нанесению противнику ощутимого контрудара. Перестал лить дождь, прошло уже несколько дней, но речная вода не шла на убыль. Войскам и жителям в крепости не терпелось: враги за рекой, лишившиеся возможности атаковать Пхеньянскую крепость из-за половодья, налетели в деревни Тондэвонской равнины, захватили у крестьян коров и свиней, учинили всякие пакости и, естественно, среди них все росло негодование. Военные и жители в крепости горели ненавистью и чувством отмщения.

– Надо бить врага, когда он стал так расхлябанным…

В это время глубокомысленные слова высказал старик с

седыми волосами.

– Река Тэдон вышла из берегов оттого, что река рассердилась. Воды в реке еще не убавляется, потому что у реки пока еще не исчез гнев к самураям, пробравшимся в окрестности Пхеньянской крепости. Чтобы унялся ее гнев и убавилось ее воды, кто-нибудь из молодых людей должен впрыгнуть в реку и просить у нее прощения.

В ту минуту какой-то молодой человек, поднявшись на крепостную стену, кричит:

– Люди добрые, я готов! Чего жалеть собственной жизни, если это откроет путь к разгрому япошек? Я, грешный, попрошу прощения за то, что нам не удалось закрыть самураям путь к Пхеньянской крепости. Если будет открыт путь к истреблению самураев, желаю вам на славу воевать, присоединив к вашей душе и мою долю.

Молодой воин родом из Пхеньяна звали Ван Сон. Не успели люди задержать смельчака, оставившего последние слова, как он бросился в бушующую реку Тэдон. В миг сотряслись небо и земля, и, как ни странно, воды начало убавляться, на обнаженном дне реки появился каменный мост. Не упустив шанс, пхеньянские войска и жители с дружными возгласами перешли через реку, ворвались во вражеский стан, копьями и мечами разили самураев, которые, не зная, как речной воды убавляется, оставались крайне расхлябанными, беспечными.

После этого боя пхеньянцы, стремясь увековечить под-

виг Ван Сона, самоотверженного защитника любимого родного края, начали называть этот отмель его именем.

Богатырь с топором

Пойдешь по верховью реки Потхон к северу – увидишь гору Пу, что и называется горой Токи (*токи* в переводе – топор). Она помнит следующий рассказ.

… Давным-давно в одной из деревушек в Пхеньянской крепости жил-был парень по имени Кви Сон вместе с матерью, которую звали Хон. Рано ушел из жизни отец, и сыну приходилось заготовлять в лесу дрова и продавал их, семья мыкала век. И повзрослев, дровосек с топором на поясе ходил в лесу. Рубить дерева и торговать дровами – все в его жизни.

И матери было неловко видеть сына таким, и она сказала:

– Знаешь, Кви Сон, сынок мой. Дровами торгуют только мальчишки или старикашки. Это не к лицу здоровым мужчинам. И тебе теперь пора жениться. Односельчане о тебе говорят: «Вот он парень-дровяник». Слыхать это мне неприятно. Хотя на твою долю не достанется такое большое дело, чему завидовали бы другие, но тебе надо заниматься достойным делом – скажем, таким, что подходит к мужчине.

Молча послушал ее, сын говорит:

– Мам, я ж с малолетства умею только рубить топором.

Думается, на свете у меня не нашлось бы лучшего, чем это дело. С меня и этого довольно – жить, лучше занимаясь хотя бы одним делом. Не могу бросить дело, что мне хочется делать, и то боясь чужого пересуда.

Мать больше ничего не молвит. Но ей очень жаль, что не могла женить взрослого сына, да и не могла дать ему жить, как говорится, на широкую ногу, как другие.

В то самое время вспыхнула Имчжинская отечественная война. Японские самураи, движимые черным замыслом одним махом проглотить всю Корею, продвинулись прямо через Хансон на Пхеньянскую крепость. Весть о нашествии чужеземцев подняла всех пхеньянцев на борьбу с захватчиками. Все и каждый высказались записаться добровольцами-ополченцами и подготовились к бою.

Так поступил и Кви Сон. Мать была рада и дала согласие. Стоять на страже Родины и идти в бой с врагом – это, конечно, моральный долг и честь каждого гражданина. Но она больше всего гордилась тем, что сын, расставшись с топором и *чиге* (приспособление для переноски груза на спине), вместе с другими мужчинами вступил в отряд ополченцев, взяв в руки копье и меч.

После ухода сына мать с нетерпением ждала радостной весточки о том, что он совершил большой ратный подвиг.

В то время пхеньянские ополченцы были вынуждены отдать противнику Пхеньянскую крепость и занять позиции в окрестных горах. И жителям пришлось эвакуироваться.

Настал день, когда отряд пхеньянских ополченцев, оставив за собой крепость, проходит через ворота Потхон. Мать, забыв даже об эвакуации, у ворот крепости наблюдает, как проходит длинный отряд добровольцев-ополченцев. Ей очень хотелось хоть разок увидеть славного сына в отряде бойцов, вооруженных копьями и мечами. Рядом с ней стоят старики и женщины. Они при виде своих сыновей, своих мужей подходят и, пожимая им руки, вдохновляюще говорят: «Борись на славу!», и ее ищущий взгляд не отрывается от проходящего отряда. Ей владеет мысль: «Скоро явится сын мой любимый. Тогда я побегу и гордо позову сына, как и другие».

Уже прошел длинный отряд, в хвосте последний – воловые запряжки с полевой кухней. Однако и там сына не видно.

Тут за ее спиной раздается сыновний голос «Мама!» Она, обрадованная, поворачивается назад, но вдруг ее охватывает разочарованность: перед ней – сын, бегом идущий навстречу ей с широкой улыбкой на лице, а у него – ни копья в руке, ни меча на поясе, зато на спине – *чигэ*, в одной руке повод вола, в другой – тот же топор.

– Кого я вижу! Боже мой, и в отряде ополченцев ты не расстался с этим-то? – стыдясь окружающих, мать упрекает сына не громким голосом, а шепотом.

– Извини, мам. Я сам взял на себя это дело. Знаешь, никто лучше меня не рубит дерево, не колет дрова.

Она не молвит ни одного из слов, которые так старательно выбирала в мыслях, и, бездумно стоя, как вкопанная, только следит за удаляющимся сыном. Расставшись с сыном, она спешно вернулась домой и с узелком вещей пошла в лес за крепостью во избежание возможных несчастий. Там она больше не ждала весточки о сыне. Думала: «Радостной вести о сынке не будет. Ведь он в отряде только готовит дрова, топит в очаге – все».

В отряде он, ответственный за топку, каждый день прилежно трудился. Однополчане изготовляют ружье и стараются освоить воинское искусство, а он колет дрова; они уходят в бой с врагом – он идет с топором в лес за дровами.

Однажды получена информация: одно подразделение япошек выходит из Пхеньянской крепости, чтобы продвинуться к северу. Корейские ополченцы немедленно устроили засаду у дороги, по которой пройдет отряд противника, и ждали появления врага.

И в тот день герой нашего рассказа с топором в руке поднялся на гору за дровами. Там, в густом лесу, он ходит искать голинки. Хотел было миновать одно место, и тут ему слышится откуда-то странный шорох. Тихо стоя, оглядывается вокруг и чуть было не ахнул. Смотрит вниз. Ба! Подножие полно япошек, как будто вся земля покрыта красными муравейшками. Между купами потихоньку взбираются япошки. Самураи, узнав через лазутчика о месте засады корейских ополченцев у обочин дороги, намеревались идти в обход и втайне проскользнуть по густому лесу.

– Сволочи! Куда посмеешь пройти! – с грозным криком Кви Сон, высоко подняв топор, ринулся навстречу противнику. Внезапное появление лесного смельчака подняло среди самураев смертельную суматоху. Сопротивлявшихся неприятелей он скосил топором, как камыши. Купы в лесу стоят так плотно, что человек еле-еле пройдет. Мушкеты и длинные копья у противника наталкиваются на стволы и ветки деревьев впереди и сзади. Да и япошки не привыкли к горному рельефу. И они, хотя многочисленные, не могли справиться с парнем, который, ловко обходя стволы деревьев-великанов, размахивает топором.

Между тем, ополченцы, получившие сведение о намерениях противника, в полной боевой готовности вошли в лес. Они видят – земля в лесу покрыта трупами япошек, получивших удар топором. Бойцы недоумевающим взглядом оглядываются по сторонам и видят топорника, который рубит дерево. Все было ясно. Они восхищались богатырской силой, отвагой и смелостью того, кто в обычные дни молча увлекался только своим «незаметным» для других делом – приготовлением пищи для бойцов, а в бою справился с сотней, тысячей врагов.

После этого Кви Сон слыл «богатырем с топором» – не только среди ополченцев, но и среди япошек. Когда он мчался верхом на поле боя, размахивая большим топором, самураи, увидев его, в панике обратились в бегство со смертельным воплем: «Идет богатырь-топорник!»

Наконец, настал долгожданный день. Ополченцы, изгнав самураев, возвращались в Пхеньянскую крепость. Приветствуя победителей, жители хотели поближе увидеть знаменитого богатыря с топором. Вот он едет на блестящих рыцарских доспехах с топором на поясе. Видя в нем Кви Сона из Пхеньянской крепости, все радостно восклицали.

Хон, мать его, не сразу узнавала сына, хотя в чем-то ей знакомо лицо молодого рыцаря. Только услышав, шепот стоящих рядом с ней, она широко открыла глаза. Еще раз потирая глаза, глядит – он не кто иной, как сын – Кви Сон! Мать, ни о чем не задумываясь, пробирается сквозь толпу и прибегает к сыну.

– Кви Сон, сын дорогой! Именно ты тот, прославленный богатырь с топором?!

Собравшиеся, глядя на нее, не скупились на похвалы: «Вот она воспитала сына таким замечательным!» Из толпы подходит к ней старик и спрашивает:

– Скажи-ка, как ты вырастила сына таким достойным?

Хон, оглядывая окружающих, говорит:

– Пусть каждый займется любым делом, хоть одним, упорно и честно, тогда он станет в семье преданным родителям, в стране – верноподданным.

При этом ей вспомнилось то, что когда-то сказал сын.

После этого молодой рыцарь вместе с пхеньянскими ополченцами совершил большой подвиг в изгнании япошек за побережье Южного моря. Пхеньянцы для увековечения

ратного подвига земляка дали той горе, где он впервые скосил япошек, название «Токи» («Топор»).

«Мышиная молельня»

С беседки Ыльмир посмотришь вниз на юг – увидишь поляну.

В далекие времена на одной стороне поляны, по преданиям, стояла молельня для мышей. А отчего появилась на сопке Моран мышиная молельня, рассказывает следующая легенда.

… Давным-давно на утесе Чхонрю гор Кымсу жили-были полевые мыши. Их было так много, что ущелья гор Кымсу заполнялись мышами, когда они переходят искать съедобное.

В каком-то году летом десятки тысяч чужеземных захватчиков атаковали Пхеньянскую крепость. Несколько дней шли жаркие бои. Они выбились из сил, да и у них кончились и стрелы.

Однажды вдруг утихли враги, которые начали атаку с раннего рассвета. Защитники крепости, не зная в чем дело, направили на позиции противника подобранных лихих парней. Они, следившие там за движением противника, не на шутку диву дались: в лесу вокруг вражеского лагеря кишмя кишели мыши. Видят – в дуге лука – ни тетивы, на барабане – ни кусочка обтянутой кожи. Было ясно, что в ночь мыши

стадами ринулись во вражеский стан и прогрызли тетивы лука и барабанную кожу.

Враги, понесшие неожиданные ущербы от мышиной «атаки», не могли воевать, и им пришлось удрать.

Не упустив на редкость удобный шанс, пхеньянцы уничтожили отступающих врагов до последнего. Скажем, и пхеньянские мыши «сражались за родной край».

Жители оценили «подвиг» мышей, которые хотя в будни вредят хозяйству человека, а в бою с иноземными захватчиками делали свое дело. И они, по преданиям, поставили эту «мышиную молельню» на поляне в лесу ниже беседки Ыльмир.

И в каждый праздник они перед молельней устраивали состязания по воинскому искусству, чтобы умножать силу отбить нашествие иноземных захватчиков. Молельня, говорят, долгое время сохранялась.

Нравственность пхеньянцев

Урын и Соби

Древняя крепостная стена в горах Тэсон датируется периодом государства Когурё. Она помнит немало легенд о мужественной борьбе против иноземных захватчиков. Одна из них – о Урыне и Соби.

В этих горах – глубокое ущелье, густой лес. Горный ландшафт красив. Здесь обитает много зверей. Неслучайно, что издревле пхеньянцы здесь любили осваивать воинское мастерство.

...В далекие времена в одном поселке Пхеньяна жил-был парень по имени Урын. В каком-то году весной он, обуреваемый решимостью стоять на страже Родины, покинул родной дом и пошел на место для обучения воинскому искусству, что в горах Тэсон. При уходе он взял с собой шашку, передаваемую поколениями семьи как бесценное сокровище.

Он едет верхом и собирается выходить за ворота крепости. Видит – какая-то девушка при переходе через дорогу глядит на верхового и отодвигается в сторону, пока он не проходит. Парень чувствует, что горит лицо незаметно для себя, как в огне, и ощущает у себя сильное биение сердца. Раньше не видел такую красавицу. Проезжает он мимо девушки и погодя немного сходит с коня. Долго следует за ней, идущей легкими шагами. Видит – у нее в руке несколько кистей для рисования.

Молодой человек стряхивает с себя навязчивую мысль о девушке и, быстро сев в седло, мчится к горам Тэсон.

Прошли десятки дней, как он начал здесь упражняться для освоения воинского искусства. Но его не покидали думы о той девушке.

Однажды верховой, поднимаясь на гору и спускаясь с

нее, проходит мимо какого-то крутого утеса. Видит: у ручья, омывающего утес, какая-то девушка рисует на доске, напоминающей ширму.

Весна брала свое: все вокруг утопает в зелени, цветут красивые цветы с густым ароматом. На лоне природы художница в глубоком раздумье рисует, легко качая белым рукавом, подобным крыльям белого журавля. Казалось бы, она не простой человек на белом свете.

Не без сомнения, с любопытством парень на коне потихоньку подходит к ней. Девушка-художница, удивленная, поворачивает голову на внезапно явившегося человека. В воздухе встретились взгляды двоих. Вмиг парня взяли удивление и радость: это та девушка, с которой он встретился у дороги недавно.

И девушка легко улыбается, делая вид, что с ним знакома, и безмолвно кивнула. Парень, как бы стараясь не упустить шанс, первым спрашивает: где она живет, как зовут ее, какими судьбами здесь. Она любезно отвечает:

... Живет она в деревне под Пхеньяном, зовут ее Соби. Живет со старой матерью вдвоем. Ее отец погиб в бою с иноземными захватчиками, когда ей было еще мало лет.

Мать сказала дочери, когда она подросла: «Иди в горы Тэсон и учись воинскому искусству, чтобы отомстить врагу». И вот пришла сюда. А наставник сказал ей, чтобы она сначала училась рисованию, прежде чем овладеть воинским мастерством. Она решила так сделать. И каждый день рису-

ет картину здесь, у ручья под утесом, где животные пьют воды.

Прослушав ее, он рассказал, что побудило его прийти сюда. Оба, задушевно рассказывая, то гуляли у ручья, то дарили красивые цветы друг другу, проводя радостное время.

Когда стена утеса у ручья заливается розовым светом вечерней зари, парень, прощаясь с ней, предлагает ей руку. Соби, наклонив голову, долго молчит. Парень торопит с ответом. Лишь тогда девушка говорит:

– Нет у меня иной мысли. Но бракосочетание, я думаю, большое дело в человеческой жизни. Без разрешения родителей дать обещание не полагается. Так нельзя. Когда мы после освоения воинского мастерства вернемся домой, получим от родителей разрешение.

Парень говорит:

– Ты права. Буду ждать того дня.

Двое твердо обещали. Крепко взяв руки друг другу, немного шагали вместе и прощались.

В следующий день парень опять пошел на тот ручей под утесом встретиться с любимой, но ее там не было. Он думает: «У нее что-то случилось, и, наверное, опаздывает». С терпением он ждет и ждет ее, тренируясь в верховой езде. Прошел полдень, на землю опускались сумерки, но она не явилась. Так ждал, увы, три дня, но о ней ни слуху ни духу. Чаша терпения переполнилась, и его взяло сомнение: «То ли это обман, то ли это издевка? Неслучайно говорят: душа у

женщины меняется двенадцать раз в день. Не такая ли она? Несомненно, у нее нет искреннего чувства любви ко мне. Если не так, то почему ни слуху, ни духу?»

Парень решил больше не искать, старался забыть ее. Но это легло свинцом на его душу. Но все росло чувство любви к ней, он никак не мог забыть ее.

Его не покидала мысль, каким образом встретиться с ней? Несколько дней он мучился. И вдруг у него мелькнуло предчувствие: может, она где-то ходит за поиском животных, чтобы рисовать по наказу наставника. Парень решил поймать косулю, к ее шее прикрепить записочку и опустить. Он поставил капкан на том месте, где часто ходят животные, и поймал маленькую косулю. К шейке прикрепил письмечко, чтобы оно сразу заместилось.

После этого он, перестав думать о девушке, вложил всю душу в освоение воинского мастерства. Шли дни и месяцы. Он, полностью освоив искусство верховой езды, начал тренироваться в стрельбе из лука. Стрелял сначала в неподвижные, а затем метко в движущиеся цели. Движущейся целью была летающая ворона. И он спустился на подножие гор Тэсон, где летают стаи ворон. Он пускал разом несколько стрел, которые прекрасно поражали летающих ворон. Однажды он возвращался с добычей – воронами. Случайно он видит – у одной вороны ножка обвязана чем-то. Он кинжалом развязал обвязку. Было письмо от Соби, в котором говорится: «Собственно, я не хотела ни весточку послать. Но

чудная записочка на шейке косули побудила меня взять кисть и написать ответ. Извини, что я без ведома ушла. Я думала: раз-два мы будем встречаться, больше нам захочется идти на свидание; и больше впадем мы в любовь, с днями все растущую. Нам, двоим, желающим освоить воинское искусство, трудно будет достичь нашей грандиозной цели. И я, сдерживая муки-мучения, ушла от тебя. Извини меня за это. Прошу тебя, дорогой, забыть обо мне до того дня, когда сбудется наше слово, данное друг другу у ручья под утесом».

Прочитав ее письмо, парень болел душой из-за угрызения совести. «Какая ты молодец, Соби! А я не такой. Пришел сюда, чтобы освоить воинское искусство, а я, впав в любовь, забыл все – и желание родителей, и ожидания земляков. Чуть было не забыл и намерение отомстить врагу. Какой я подлец! Она лучше меня! Клянусь: не буду думать о ней, пока не овладею в совершенстве воинским искусством!»

С того дня парень начал вкладывать всю душу, всю энергию в тренировки.

И прошло три года, три месяца. В том году третьего марта парню довелось пойти на соревнование по воинскому искусству, проводимое в масштабе всей страны. Молодой человек, победив многих соперников по всем видам упражнений, вышел на финал. Было соревнование по охоте: кто на коне больше ловит диких зверей.

Парень долго мчался по местам охоты. Но, как странно,

не попало в его глаза ни одного из зверей, которых раньше было так много. И он поехал еще дальше в глубокий лес. В дремучей тайге плотно стоят деревья-великаны, но не видно ни одного зверя. Ехать верхом и пробиваться сквозь дебри было очень трудно. Не покидала всадника тревожная мысль: «Может, придется ли вернуться без никакой добычи?» Он, явно обеспокоенный, напряженно смотрит вперед. И тут видит – перед собой огромный олень величиной в большого теленка.

Верховой шпорит коня и следует за ним, стреляя из лука, но олень ловко бежит меж деревьев. Оленя видят и другие соперники, до того там и сям искавшие зверей, и преследуют парнокопытного животного, наугад стреляя из лука. И кончились у них стрелы, и им пришлось перестать погоню. Только один Урын с вынутой шашкой безостановочно преследует удаляющегося оленя. Его торопит мысль: «Во что бы то ни стало взять его. Иначе, нечего говорить, буду побежденным. Стыдно будет увидеться с родителями, да и не в праве встретиться с любимой. Ведь она сказала: встретимся только в день удачи».

Парень, крепко взяв в руки поводья, гонит коня во весь опор вверх. Преследуя оленя, он, наконец, поднялся на гребень горы. Оленю некуда бежать, и он только кружится на месте. Парень, не упустив шанс, сверкая шашкой, бросился на оленя. Оленю пришлось прыгнуть вниз на утес. Высота кручи в десятки раз больше человеческого роста. Парень, не

задумываясь об опасном риске, сойдя с коня, бросился вниз под утес.

Он упал на груду опавших листьев. С шашкой в руке он в дебрях ищет оленя. Видит – живой олень неподвижно жалостными глазами смотрит на преследовавшего охотника. Оленья шея обвязана переплетенными лозами актинидии. Парень начал было спустить поднятую шашку на голову оленя, но передумал: почему-то было жалко убить его, смотрящего на него словно умоляющими глазами. Он обеими руками взял оленя.

Парень, неся оленя на плечах, поднялся наверх, на утес, и положил его на спину коня.

Когда он явился на поле соревнования с крупным живым оленем, зрители били в барабан, играли на трубе, восторженными возгласами приветствуя смельчака. У входа на поле среди приветствующих с поднятыми руками были видны и лица родителей парня. Молодой победитель, полный гордости, обходил поле с думой: «Не найдется ли среди них любимая Соби». Но ее не было видно. Она, чай, не знает его сегодняшний успех? Ему очень хотелось делить с ней свою радость.

Урын подходит к королю, чтобы получить награду. Он делает королю земной поклон и называет свое имя. Затем он встал и хотел было подойти к оленю, чтобы преподнести его королю. Что это за диво! Живой олень исчез бесследно, зато там стоит красавица, такая, как небесная фея. Парень в недоумении останавливает шаг, а та подходит к нему, называя его имя. Урын не без сомнения разглядывает подходящую к нему женщину. Боже мой! Это Соби! Парень так рад, что, забыв, что перед ним король, зовет ее и идет вперед и крепко берет ее за руку.

Соби, овладевшая искусством перевоплощения, в тот день обернулась в оленя и явилась перед участниками соревнования по воинскому искусству.

Король наградил парня за первенство на соревновании и девушку за безупречное овладение искусством перевоплощения, назначил двоих военачальниками страны.

Молодая пара по данному обещанию высказала родителям свое искреннее желание. Родители двух семей, считавшие чету выбранной Небесным богом, были рады удовлетворить их просьбу. Молодая супружеская пара впоследствии вместе с земляками совершила большие ратные подвиги в защите страны, стала жить с детьми счастливо.

Крепостные ворота Чхильсон – «ворота в счастье»

Эти ворота, что на юго-западе сопки Моран в Пхеньяне, издревле называются «воротами в счастье». Об этом рассказывает легенда о молодом человеке – защитнике Отчизны.

… Давным-давно в Пхеньянской крепости-городке жили-были парень по имени Доль Бом и девушка по имени Си Нэ.

Жили они не в одной деревушке, но с детства дружили друг с другом, часто встречаясь на сопке Моран: парень здесь заготовлял дрова, а девушка добывала съедобные травы.

Шли годы, и они в брачном возрасте. Парень предлагает руку ей, девушке прекрасной и доброй души. Ей, конечно, нравится уже знакомый парень. Она думала: на свете не найдется такого парня – человека крепкого телосложения, сильного чувством справедливости и дружбы. Он торопит ее с ответом, а она, краснея лицом, говорит: «Этого ты так искренне желаешь, то засылай сватушку в мой дом. Не торопи меня. Что мне делать-то?»

Вечером мать парня, послушав сокровенное желание сына, была очень рада. И в следующий день заслан сват. А, к сожалению, тот сват, побывавший в доме девушки, с большим огорчением передает слова ее отца, который наотрез отказался: «Дочку мою не могу отдать замуж за такого незрелого, не проходившего через ворота Чхильсон. Пусть она останется старой девой, но не могу!» Неожиданный ответ отца девушки так ошеломил самого парня и его мать, что им в глазах потемнело, они не могли вымолвить ни словечка. «Не проходивший через ворота Чхильсон» – так называли в те годы того, кто не овладел воинским искусством или не нес военную службу на окраине Родины.

Конечно, парню хотелось освоить воинское искусство и пойти на военную службу на границу, но он, обеспокоенный одиночеством старой матери, не мог покинуть родной дом.

Парень несколько дней думал, думал и додумался пойти на освоение воинского искусства, конечно, с согласия матери. Любимой девушке сказал: «Жди меня три года», и ушел.

На месте воинской тренировки он высказал наставнику свою мысль. Учитель говорит: «Ты прав, молодой человек. Надо освоить воинское искусство, но настоящее – такое, что нужно для охраны Родины». Упорный труд воспитанника, необыкновенная забота наставника принесли свои плоды – за три года парень стал мастером воинского искусства. Пора вернуться в родной дом. Но этого не позволило ему положение, создавшееся в стране: иноземные захватчики часто нарушали границы государства. Мобилизованы огромные войска, но не оказалось военачальников. Нужен военный талант – мастер воинского дела.

И он пошел на границу в бой с иноземными агрессорами, не сдержав данное любимой слово. Противник отбит, закончен бой. Но он не мог вернуться в родной край: его ждала новая задача – создать на пограничных рубежах неприступные оборонительные сооружения.

Прошли еще и два года, кроме трех лет, обещанных девушке. Все его силы сосредоточены на фортификационных работах. Ему молодой земляк говорит, что недавно она вышла замуж. Это было для него как гром среди бела дня. Ему в глазах потемнело.

Кончились фортификационные работы. Он, повышенный в должности за военные заслуги, отозван в Пхеньян. Парень,

верховой в рыцарских доспехах, в сопровождении солдат вступил в Пхеньянскую крепость и принял новый боевой пост, после этого он идет к родной матери.

Сын видит – мать пропалывает приусадебный огород. Сын, сойдя с коня, преклоняет колени и зовет родную мать. Она, сильно удивленная неожиданным появлением сына с молодецким задором, спешно идя навстречу долгожданному, кричит в сторону дома.

– Слушай, Си Нэ! Пришел сынок, наконец-то!

Не зная в чем дело, он обращает взор в сторону дома. Видит – из дому выходит женщина. Та была Си Нэ, которую ему так хотелось увидеться и которую никогда не забыл. Горячая встреча! Парень спрашивает:

– Как это так?! Что случилось-то?..

Си Нэ, улыбаясь, отвечает:

– Я в своем доме. Тут ничего странного нет.

Мать объясняет все, что было. Когда Доль Бом, овладев воинским искусством, ушел на охрану границы, его наставник пришел к ней и сказал обо всем, а отец девушки отдал дочку «замуж» и послал ее к будущей свекрови, чтобы она помогала одинокой матери парня, за которого она должна выйти замуж.

Счастливая молодая чета вместе с матерью жила душа в душу. После этого пхеньянцы говорили: «Рыцарь Доль Бом проходил через крепостные ворота Чхильсон, и им, молодой паре, пришло счастье. Молодым людям, если они пожелают

счастья, надо проходить через эти ворота, как рыцарь Доль Бом, чтобы освоить воинское искусство».

Как рядовой солдат стал зятем короля

Это было в незапамятные времена. У короля Анхакского дворца была дочка – такая красивая, как небесная фея. Пока еще не настала пора выдать ее замуж, но король, со своей стороны, очень старался подобрать ей хорошего жениха. Но никак не нашлось парня, который стал бы его зятем – как по личным качествам, так и по таланту. Бывало, парень внешне красивый, но не обделан талантом, юноша одаренный, но не ахти какой внешний вид. У каждого из сыновей сановников – затаенное желание быть четой дочери короля. Чего-чего он не делал! Всячески старался показать себя красавцем, владеющим, из ряда вон выходящим умением писать, отличающимся недюжинным воинским мастерством. Но все эти затеи не нравились королю. Внешность и талант каждого претендента не выдержали «королевский экзамен». Шли дни, месяцы, годы. И принцессе настал брачный возраст, но не нашлось кандидатуры четы, хотя так любил, берег свою дочку, да и на нее не без корысти глядели многие дети вельмож.

Вдруг в один прекрасный день ночью нагрянула большая беда – пожар в королевском дворце. Бушующее пламя в мгновение ока превратило дворец в море огня. Из дворца

вынес короля на спине верноподданный. Король как сквозь сновидение только безумно глядит на разгорающееся пламя. Очнулся – и видит, что все это не во сне, а наяву, и ищет своих родных. Ба! Не видно милой дочки. Спрашивает у свиты – ни ответа.

Дочь жила в особняке поодаль во дворе дворца. И даже фрейлины не вправе были без особой надобности заходить в него. И чиновники в спешке забыли про нее. Ясно, что дочь не спасена. Тут же король велит подчиненным вынести ее из беды. Ни у кого не было охоты идти на риски. Снопы пламени взметнулись ввысь, трескались черепицы на крыше, все объято языком огня – адово пекло. Войдешь во дворец – боже сохрани. И король больше не мог кричать на подчиненных, вялым голосом лепечет:

– Спаситель принцессы будет моим зятем.

Из безмолвной толпы подчиненных выходит вперед один молодой рыцарь – обаятельный человек с широким лицом и крепким телосложением.

– Я спасу принцессу! Любой ценой!

Тут же он, облив себя холодной водой, ринулся в пламя. Через внутренний дворец добежал до особняка принцессы. Вдруг разгорающаяся крыша постройки со страшным треском бухнула.

– Боже мой! Все кончено!

Ему, обессиленному, пришлось вернуться обратно. Тело у него обожжено, все лицо в ранении. Услышав все, что

было, король, бия по земле, зарыдал.

– Ой-ой! Разве ты умерла, моя доченька?!

Король и все подчиненные разразились рыданиями. Вдруг послышался женский голос:

– Папа!

Все подняли голову – и видят: дочка на лошади, водимой молодым солдатом рядовым.

– Кого я вижу! Ты моя дочь милая!

Вскочил король и обнял скользящую с коня дочь. Радость, обильные струи слез.

– Кто спас тебя из пламени-то?

Дочка указывает на воина, стоящего поодаль с вожжами в руке.

– Он ворвался в огонь и спас меня.

– Рядовой воин, говоришь?

Подчиненные, глядя на воина, зашумели: «Значит, он поженится на принцессе», «Нет!» Как же воину рядовому быть зятем короля?!»

Король то ли слышал пересуды чиновников, то ли ничего не слышал, подходит к воину.

– Ты спас мою дочь?

Солдат с бронзовым лицом, широкими плечами клонит голову ниц:

– Позвольте сказать, я слышал Ваши слова, что в спешке принцесса не спасена. Побежал и увидел – вот-вот поглотит ее пламя. И я спас.

– Теперь скажи, ты слышал мои слова, что спаситель моей дочери будет моим зятем?

– Нет, слыхом не слыхал.

– Чего ты пожелал при спасении моей дочери? И то с риском для собственной жизни?

– Ничего не пожелал. Я воин. Ценой собственной жизни защищать страну от чужеземных захватчиков, охранять в стране жизнь и имущество народа – таков, я понимаю, долг военного.

– Значит, ты считал это своим долгом?

– Так точно.

– Вижу, ты вполне достоин быть моим зятем! – король поднимает павшего ниц, беря ему за руки.

– Благодарю, государь! Я сын простолюдина, рядовой солдатик, такой, как галька у обочины дороги. Как же мне быть зятем Вашего Величества?

– Нет, нет! И те, кто получает жалованье из госказны, не смели броситься в пламя, чтобы спасти принцессу. Когда я обещал взять в зятя спасителя моей дочери, нашелся только один человек. Не могу найти среди них настоящего человека. Ты будешь моим зятем – думаю, наладишь государственные дела. Чужеземцы не осмелятся орудовать, в стране народ будет жить в покое. Такого нигде не найдется. Надеюсь, не откажешься.

И он, рядовой воин, поженился на принцессе и стал зятем короля.

Мост Ынгук

В незапамятные времена на западном берегу реки Потхон стояла сопка Кэк (в переводе – «гостевая»). Так называли оттого, что здесь всегда было много гостей – приходящие с запада то отдыхали на сопке до входа в Пхеньянскую крепость, то ночевали в деревушке до утреннего часа открытия крепостных ворот.

У подножия сопки жил-был человек по имени Чо Ын Гук. Через много лет у него родился милый сынок Сок Ун – один-единственный, и он пользовался исключительно большой любовью отца. Отец от всей души желал сыну быть замечательным человеком и наказывал:

– Знаешь, сынок, тигр оставляет свою шкуру после смерти, а человек – доброе имя. Будь ты замечательным человеком и славь на весь мир свое имя.

Отчий мудрый наказ жужжал постоянно, когда сын рос. Однажды подросток просил отца разрешать ему уйти из дому на самовоспитание, чтобы становиться великим человеком с прославленным именем. Отец, конечно, не мог не беспокоиться о том, что сынок решил тронуться в далекий путь без определенной цели. Но отец дал согласие с надеждой на будущее сына. Покидая родной дом, сын поклялся: «Не вернусь, пока не прославлю свое имя на весь мир!»

Прошло пять лет, но о сыне ни слуху ни духу. Отец с

нетерпением ждал сына. По утрам и вечерам он сидел у обочины дорог и ждал ушедшего. В те дни он видит – даже в мелкий дождь на большаке у околицы появляется впадина с водой, как в прудике, а в сезон затяжных дождей вода переливается на дороге, и проходящим неудобно и трудно ходить по дороге и нередко при ее закрытии приходится ночевать в деревушке.

Он чувствовал себя виноватым: «Издавна сопка за деревней называется «гостевой» за множество гостей – постояльцев. А теперь, вижу, не так. Это потому, что сельчане не проложили хотя бы одну порядочную дорогу».

И он решил навести здесь широкий и прочный мост для прохожих. Ждя сына у обочины дороги, он начал собирать большие камни, порой в лесу рубил дерева. И за несколько лет было запасено все, что нужно для построения моста. Продал домашнее имущество и нанял работников. И за несколько месяцев над ухабистым грязным большаком появился великолепный мост – длинный и широкий.

Путникам стало ходить удобно, и они за это благодарили инициатора доброго дела. Он, со своей стороны, испытывал в себе гордость за выполнение морального долга жителя придорожной деревни. Вместе с тем он был рад при мысли о том, что встретит на этом мосту сына, который вернется домой с громким именем. Ждал и не дождался десять лет, но сын не вернулся. Так и не увидев любимого сына, ушел из жизни.

Когда он умер, приходили на соболезнование, не говоря уж о его родственниках и жителях соседних деревень, многочисленные путники, ходящие по этому мосту. Чтобы увековечить его доброе дело, они поставили у моста большой каменный памятник и решили называть мост под сопкой «Гостевая» от его имени – мостом Ынгук.

Ну а, какова была судьба у сына, который покинул родной дом для самовоспитания с надеждой громко прославить свое имя? Вначале он, движимый стремлением овладеть воинским искусством, пошел в знаменитую школу в глухомани, что называется Рёнму. То ли он с малолетства слишком избалован, то ли врожденно не обделен талантом, ему было очень тяжело освоить воинское мастерство, и заметного успеха не было видно.

Лишь через пять лет ему удалось выступать в соревнованиях по боевому искусству в Пхеньянской крепости, но результат был плачевным – в хвосте претендентов на приз. И, естественно, он не мог возвратиться домой, только вздыхал.

Коллеги посоветовали: «Ты, вижу, красная девица. Характер-то такой нежный. Наделен качествами гражданского чиновника. Не плохо бы и сейчас учиться грамоте».

Их советы казались парню правдоподобными, и он – айда в горы Кымган, где, говорят, литераторы собираются и шлифуют свое мастерство. Он решил прославить свое имя из ряда вон блестящими сочинениями и с головой ушел в выучивание наизусть сочинений святых знаменитостей со

сроком на десять лет.

Шел шестой год учебы. Однажды он с друзьями пошел на водопад Курён, чтобы уменьшить и душевную нагрузку. Как раз там ему довелось поговаривать с туристами-торговцами. Какой-то торговец, услышав, что родной дом парня стоит у подножия сопки «Гостевая» на Потхонской равнине на западе Пхеньянской крепости, не без радости говорит:

– Родной край твой очень хороший! Нам очень помогает мост Ынгук, что в той деревушке.

– Что-что? Мост Ынгук, говорите? – недоумевает парень.

Торговцы наперебой рассказывают о человеке по имени Ын Гук, о большом мосте и каменном памятнике благодетелю.

В ту ночь он не мог сомкнуть глаз. Более десяти лет делал все для самовоспитания, но не мог прославить свое имя, осуществить желание отца. В следующий день он, бросив учиться грамоте, вернулся в Пхеньян. В родном краю видит – большой мост, чего раньше не было, каменный памятник у моста в честь отчьего доброго дела. Обхватив памятник, он со слезами громко рыдает:

– Почему ты, папа, тогда не указал мне на верный путь человеческой жизни?

Прохожим и жителям соседних деревень показалось странными его громкие рыдания и грустный зов, и они спрашивают:

– Откуда ты родом, почему так плачешь?

Кончив плач, он представляет себя и говорит им:

– Когда я уходил из дому, отец мой наказывал: «Человек должен оставить на свете свое имя после смерти». А я не понял глубокий смысл отчьего наказа. Я, блудный сын, тщеславный, 10 лет блуждал и там и сям. Как хорошо было бы, если отец перед моим уходом сказал бы мне хоть об одном: «Что ни говори, где бы ты ни находился, каким бы делом ни занимался, прилежно трудись на благо страны и народа. Тогда люди помнят твое имя». Жаль, что я не понял суть отчьего наказа.

Прохожие и сельчане все вздыхали – им думалось, что его дело их не касается. Сын, хотя поздно, понял, как жить человеку, чтобы оставить свое имя на свете. После этого старался отдать всю свою духовную и физическую силу для того, чтобы обучать желающих грамоте, передавать молодым людям навыки воинского искусства.

Сельчане начали хвалить: «Каков отец, таков и сын». И его ученики, мастера пера и рыцари, выпестованные его искренним трудом, жители Пхеньянской крепости из уст в уста передавали его имя – Чо Сок Ун.

Сопка Чуам

Эту горку увидишь в конце горной гряды, протянувшейся по верхнему берегу реки Тэдон к северо-востоку от

сопки Моран. Чуам в переводе – скала, из которой течет водка (*чу* – водка, *ам* – скала). Так называлась горка с незапамятных времен.

… Давным-давно у берега названной реки жил-был парень со старым отцом. Мать рано ушла из жизни. Он был очень почтителен к отцу. Сын от зари до зари не покладая рук трудился – обрабатывал землю, шел в лес за дровами и продавал их. На вырученные деньги купил рис и мясо для отца. Сам сводил концы с концами, питаясь травяной похлебкой, а угощал отца вареным белым рисом и мясными закусками. То, что отцу хочется есть, сын во что бы то ни стало доставал.

Однажды он, как и обычно, поднялся на сопку за дровами. Спускался с горы с вязанкой дров на спине. Испытывал жажду и собирался пить воды, поставив *чиге* у ключа, журчащего из щели под скалой. Впрочем, у родника, как ни странно, пахло душистым ароматом. Пил свежей воды несколькими глотками – во всем теле чувствуется приятное облегчение, мутится в глазах. Встал на ноги, чтобы возвратиться домой, но в несколько шагах голова пошла кругом, ноги дрожали, и он был вынужден опуститься на землю. И ему хотелось, поставив *чиге* на землю, немножко отдохнуть. Лег и заснул крепким сном.

Парень проснулся вечерком. Тогда он понял, что пил не ключевой воды, а водки, и не смог вернуться домой: чувствовал себя виноватым перед отцом, поскольку он без отца пил водки. Дровосек попросил у хозяина крестьянского

двора у подножия сопки глиняный кувшин для водки, наполнил его водкой для отца. Отец удивился, что сын принес кувшин, наполненный ароматной водкой, так и не хотел пить ее. Он хорошо знал, что бедная семья не может достать такую ароматную водку, к тому же так много.

– Эх, ты, сынок, скажи честно, откуда у тебя эта водка? – спросил отец.

Сын несколько раз повторял, что он взял ее из «водочного» ключа, вытекающего из щели под скалой, и предлагал пить водки, но отцу это совсем не верилось.

Отец с сыном пошел к роднику скалы и попробовал водки. Затем он понял, что сын не врал. Отец сказал:

– Разве мы одни будем пить эту чудесную ароматную водку? Пригласим всех стариков попробовать ее.

Послушав парня, старики деревни собрались и напились этой водки вдоволь. Они единодушно рассказывали:

– Слушайте, братцы! Как же говорить, что эта водка сама собой вытекает из-под скалы?! Она, вероятно, дар неба за бесконечную почтительность сына к отцу.

Впоследствии не только отец парня, но и все односельчане вместе пили ключевой водки, найденной парнем, и радовались дару этого родника. С той поры ту скалу, откуда ключом бьет водка, называли Чуамом («Водочная скала»), а гору, где имеется эта скала, – горой Чуам. Пхеньянцы с того времени, гордясь неограниченной почтительностью парня, связанной с горой Чуам, передают эту сказку из уст в уста.

Девушка, которая спасла олененка

В глубокой древности на берегу реки Потхон жила-была девочка по имени Ман Ок, которая работала батрачкой в доме жадного помещика.

Она рано потеряла родителей, попала в рабское положение в доме помещика и, работая нянькой и кухаркой, подвергалась унижению и оскорблению, влачила жалкое существование день за днем.

Когда-то настал народный праздник *чхусок* (15 августа по лунному календарю). Помещик, взяв с собой лишь членов своей семьи, пошел посмотреть качание на качелях и соревнование по корейской национальной борьбе *сирым*, а вынудил маленькую Ман Ок пойти на гору за дровами.

Ман Ок было обидно, но ничего не поделаешь: она – должница, и она поднялась на гору Чхангван с *чиге* на хрупких плечах. Издали доносились веселые голоса празднующих день *чхусок*, вызывая у нее горе. Девочка с хлынувшей печалью, собирала высохшие ветви. На ветви падали струйки слез.

Когда она собрала ветви на одно *чиге*, неожиданно слышится шуршание и быстро прибегает олененок. Он, увидев впереди девочку, подошел близко к ней, как к объятию, будто умоляюще просит скрыть его.

Тяжелое дыхание, навернувшиеся на милые глаза прозрачные слезинки, кровь, истекающая из раны, полученной в зарослях колючего кустарника, – все это показало, что охотник преследует по его пятам.

Ни о чем не задумываясь, девочка скрывает бедняжку в кучу ветвей. Немного спустя, как предполагалось, один охотник, задыхаясь, подбегает к ней и громким голосом спрашивает:

– Эй, девочка, не видела, куда бежал олененок?

Ман Ок, показывая ему на верхнюю горную долину, сказала, что олененок убежал в ту сторону.

Когда охотник исчез вдали, она вытаскивает олененка из кучи ветвей, вытирает ему следы крови и отпускает: «Иди к маме!». Олененок был так благодарен ей за спасение жизни, что лил слезы и, взяв в рот подол юбки, тащит ее за собой. Ман Ок казалось это странным, и она смотрела на олененка, шла за ним.

Они дошли до прекрасного места: журчит прозрачный ручей, впереди открыт обширный простор; алые цветы с душистым ароматом расцветают. Олененок остановил Ман Ок среди зарослей цветов. Казалось, олененок говорил так: «Как мне платить за доброе дело, что вы спасли меня? Это поле дикого женьшеня. Хотя это не очень щедрая оплата, но выкапывайте корни женьшеня, как можете, чтобы избавиться от батрачества и отблагодарить соседей за оказанную вам помощь и милость».

Олененок долго смотрел на девочку и куда-то ушел. Ман

Ок так удивилась, что она потирала себе глаза и вглядывалась в цветы. Да, действительно раскинулось перед ней бесконечное поле с цветами дикого женьшеня.

Девочка осторожно выкопала корни дикого женьшеня, навалила ими *чиге* вместо ветвей и вернулась в село. Она раздала их благодарным соседям и, заплатив выкуп за себя сколько угодно, как помещик требовал, ушла из его дома. После этого девочка счастливо жила с соседями, помогая друг другу.

Благодеяние косули и змея

Давным-давно на берегу реки Тэдон в Пхеньяне жил-был один старик. Он рано потерял жену и сына из-за болезни и, одиноко занимаясь земледелием и продавая рыб, пойманных на реке Тэдон, сводил концы с концами.

В каком-то году летом настал сезон затяжных дождей. Около полумесяца лил дождь как из ведра. Река Тэдон вышла из берегов. Большое наводнение. Свирепые потоки беспощадно проглотили все, что было на берегу реки. Огромные бушующие волны, страшные водовороты, отчаянные крики людей, которые, цепляясь за доски или конец плывущего бревна, просят помощи. Жалкий рев домашних животных, звуки разбивающихся глиняных чанов, трескающихся сундуков, домашней утвари – на берегах реки полно ужасных криков людей и рева животных.

Старик, чудом спасенный из стихийного бедствия, с

величайшим трудом поднялся на утес Чхонрю. Он не мог быть посторонним созерцателем трагической картины. Человек по натуре доброй души, считающий чужую боль своей собственной, постоянно пользовался всеобщим уважением за глубокое чувство долга. Чтобы спасти пострадавших из беды, он с риском для собственной жизни гнал лодку по бушующим волнам реки, которые беспощадно ударились о борт, как будто вот-вот разобьют ее одним махом. Старик умело гнал лодку и бросал веревки бедняжкам, и спасены десятки человек из беды. Когда он собирается на середине реки направить на берег лодку со спасенными, спереди неожиданно слышится отчаянный рев животного. Обращая взор в ту сторону, он видит, как плывет бревно, на котором – косуля и змей. Он спешно направил лодку туда и, выручив их, благополучно добрался до берега.

Косуля и змей, конечно, животные, но они, часто оглядываясь назад словно в знак благодарности спасителю, ушли в лес.

Старик, тепло проводив всех спасенных из беды, повернулся было назад и видит перед собой – какой-то мальчик не уходит и остается на месте со слезами. По словам мальчика, он сын помещика какой-то деревни в верховьях реки Тэдон, вся его семья утонула, погибла во время наводнения, а только он чудом остался в живых. Старику хотелось бы взять его с собой в дом, но он не мог не думать о положении домашнего хозяйства. А главное, ему в голову пришла не

очень приятная мысль: «Кормить-то можно кормить. Но кого? Не мальчика из простой семьи, а сына помещика?» Но он передумал: нельзя же оставить сироту, лишившегося крова и кормильца, на произвол судьбы. И он, живущий в одиночестве, решил усыновить его и жить вместе в одной семье.

Шли дни. Половодье позади, вода реки Тэдон стала прозрачной. Старик с приемным сыном ловил рыбу на реке, обрабатывал поле.

Прошло несколько месяцев. Однажды старик, как обычно, собирается выходить из калитки с мотыгой на поле. Тут вдруг, откуда ни возьмись, перед ним явилась большая косуля. Та кружится вокруг старого хозяина дома, сопит, кивает головой, не находит себе места, выражая свою радость. Странно! Старик внимательно разглядывает косулю. Вот она! Эту косулю он спас во время половодья.

– Боже мой! Как ты ко мне?! – старик вне себя от радости обнимает ее шею, поглаживает, похлопывает по спине.

Косуля берет его рукав в рот и тащит, двигаясь туловищем то вправо, то влево. Старик, на минуту недоумевающий, сразу понимает, что она просит его куда-то идти вместе. Он, следуя за ней, долго шагает в рощу. Косуля несколько раз оглядывается назад, чтобы как будто уточнять ходьбу «спутника». И, наконец, они дошли до огромного валуна в горном ущелье, где журчит чистый ручей. Там косуля начала копытами копать землю под валуном.

Старик понял ее намек и начал осторожно вырывать землю мотыгой. Через минуту в яме обнаружен огромный глиняный чан. Он осторожно открывает крышку и видит. Ба! Глаза у него полезли на лоб: в чане полно изделий из золота, серебра, жемчугов, драгоценных камней ослепительного цвета. С большими глазами смотрит он на косулю. Она не раз кивает головой и куда-то уходит.

Он, осторожно вытащив чан из ямы, нес его на спине в дом и поровну раздал односельчанам золотые кольца, браслеты и головные шпильки. Остальную часть сокровищ он использовал для домашнего хозяйства. И он стал первейшим богачом в Пхеньянской крепости. Богатств хватило бы на всю жизнь, но он, человек трудолюбивый, не покладая рук, работал – и на полях, и на рыбном промысле.

Скандалы произошли с приемным сыном. Ему, баловню, раньше росшему в богатой семье, а затем спасенному стариком из беды, пришлось волей-неволей работать вместе со стариком. А после того дня, когда у них появилось огромное количество золота, приемыш мух ловил, пускал деньги на ветер, начал жить на широкую ногу.

Старик, косым взглядом смотрящий на приемного сына, однажды, пользуясь случаем, уговаривает его добрыми словами.

– Слушай, сынок, первооснова у человека – труд, а не деньжата.

А он, родом из богатой семьи, привыкший бездельни-

чать и жить на чужом горбу, не слушался старика, спасителя своей жизни, все шел наперекор его совету.

– Зачем нам работать до седьмого пота? Ведь у нас полно золота. Между прочим, эти деньги ты заработал? Нет! С неба они упали в дар для нас, двоих. Значит, половина – на мою долю. Я трачу мои деньги для себя. Чем это плохо?! – говорит сын с недовольством, как будто считая растрату богатства делом естественным.

Но старик опять уговаривает его хорошими словами: «Так жить недостойно». А тот хулиган, приемный сын, резко повернувшись к нему, бросит:

– Так ты считаешь меня надоедой, я уйду из дому. Дай-ка мне половину денег.

Разгневанный, озлобленный старик дал ему пощечину.

– Сволочь! Неблагодарная свинья!

От сильного волнения у старика руки дрожали. Но приемыш, получивший пощечину, не раскаявшись в своих проступках, ворчал, пинал ногой дверь и ушел из дому. Чтобы отомстить отцу за «оскорбление», тот пошел в местную управу и сделал ложный донос: «Этакий отец мой, приемный, украл золото и серебро и вдруг стал богатеем».

И старика арестовали и бросили в тюрьму.

Ему щемит сердце. Не потому, что он без вины заключен в тюрьму, а оттого, что ему изменил тот приемыш, которого он сам спас от когтей смерти, воспитывал родным сыном. «Как же так поступать ему в человеческом обли-

чье?!» – с такой думой ворочался с боку на бок, и его незаметно клонило ко сну. И вдруг слышит какое-то шуршание – и открыл глаза. Ощупывает руками вокруг в темноте и ощущает что-то холодное. «Что это такое?!» – с удивлением разглядывает и видит перед собой жуткий на вид толстый змей. С испуга старик хотел было встать, тут же он чувствует какое-то жжение пыльной стороны ладони. Змей укусил его руку и ушел.

Невзгоды, страдания в тюрьме да змеиный укус – да, беда приходит не одна. Тело, укушенное змеем, начало набухать в мгновение. Высокая температура тела, невыносимое нытье не давали ему ни минуты покоя.

В острой боли наступает рассвет, и в этот раз вблизи него опять слышится шуршание. Взяла его жуткая мысль, и он хотел избегать страшного, но никак не слушаются руки и ноги, все тело. Он с величайшим трудом поднимает голову и обращает взгляд на ту сторону, где что-то шуршит. Видит – тот огромный змей, которого видел вчера ночью. Змей, положив на укушенное им место зеленые листья травы, бесшумно исчезает.

Немного погодя после ухода змея он чувствует в себе свежесть и легкость, и набухание и боль исчезли, как сняло рукой.

«Это воистину волшебная травинка!» – с этой думой узник бережно собирает листья на хранение.

А к полдню того дня на дворе люди шушукают и шумно

суетятся долго до прихода темноты.

– Что случилось-то на улице? – спрашивает старый заключенный.

Не раз справляется он, а тюремщик нехотя мимоходом роняет:

– Беда! Прошлой ночью змей укусил губернатора. Ему сейчас грозит смерть. Вызвали всех известных лекарей. Но и они беспомощны. Всякие лекарства не помогают.

Старику мельком вспомнилось, что как укусил его змей, а потом принес ему чудодейственные листья травы. Он тут же сказал тюремщику: «Я вылечу его. Передайте ему мое слово». Надзиратель тюрьмы вначале пропустил его слова мимо ушей, говоря: «Ты с ума сошел?!» Но он, послушав, что губернатор близок к гробу, сообщил больному о старике. Губернатор кричит: «Всякий, кто умеет спасти меня, пусть приходит ко мне. Приведи его, старика, живо!»

И старик из тюрьмы идет в комнату, где лежит губернатор. Он прикрепил к ране губернатора те травные листья, которые принес змей. Тут сотворилось чудо: губернатор, только что испускавший последний вздох, пришел в себя, набухшее тело стало по-прежнему нормальным. Выздоровевшему губернатору казалось все волшебным, и он спросил старика, какие он применил лекарственные травы. Спасатель его жизни рассказывает обо всем: о наводнении, о пострадавших людях и, конечно же, о косуле и змее, о причине его заключения в тюрьму, о змее, который укусил его, а

затем принес такие волшебные листья травы.

Губернатор, выслушав все, тут же дает приказ: «Арестовать того неблагодарного приемного сына, а старика немедленно вернуть в свой дом!»

Итак, старый человек доброй души, виновный без вины, вышел на волю, а тот приемыш, говорят, наказан строго.

СТАРИННЫЕ БЫЛИ И ЛЕГЕНДЫ О ПХЕНЬЯНЕ

Редактор: Чан Хян Ок
Перевели: Чан Сон Хва и У Чон Хван
Издательство литературы на иностранных языках
Выпущено в октябре 110 года чучхе (2021)

E-mail:flph@star-co.net.kp
http://www.korean-books.com.kp

ISBN 978-9946-0-2079-2
9 789946 020792 >